

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Асанидзе (Assanidze) против Грузии»¹

(Жалоба № 71503/01)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 8 апреля 2004 г.

По делу «Асанидзе против Грузии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Л. Вильдхабера, *Председателя Большой Палаты Суда,*

Х.Л. Розакиса,
Ж.-П. Коста,
Г. Ресса,
сэра Николаса Братцы,
Л. Кафлиша,
Л. Лукаидеса,
И. Кабрала Баррето,
В. Стражницкой,
К. Юнгвирта,
Ж. Касадеваля,
Б. Зупанчича,
В. Томассен,
С. Ботучаровой,
М. Угрехелидзе,
В. Загребельского,
А. Муларони, *судей,*

а также при участии П. Махони, *Секретаря-канцлера Европейского Суда,*
рассмотрев дело в закрытых заседаниях 19 октября 2003 г., 10 и 24 марта 2004 г.,
вынес в последний указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 71503/01, поданной против Грузии в Европей-

¹ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под редакцией Ю.Ю. Берестнева.

² Настоящее Постановление вступило в силу 8 апреля 2004 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

ский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Грузии Тенгизом Асанидзе (*Tengiz Assanidze*) (далее – заявитель) 2 июля 2001 г.

2. В Европейском Суде интересы заявителя, которому была предоставлена бесплатная правовая помощь, представляли юрист ассоциации «Статья 42 Конституции», работающей в г. Тбилиси (Грузия), Л. Мухашаврия (*L. Mukhashavria*) и адвокат, член Союза независимых адвокатов Грузии, З. Хатиашвили (*Z. Khatiashvili*). Власти Грузии были представлены Генеральным представителем Грузии при Европейском Суде Л. Челидзе (*L. Chelidze*) и адвокатом Страсбургской адвокатской коллегии Л. Хинкером (*L. Hincker*).

3. Заявитель жаловался, в частности, на нарушение его права на свободу и безопасность, утверждая, что в результате того, что власти Аджарской Автономной Республики продолжали содержать его под стражей, несмотря на указ Президента Грузии о помиловании за первое преступление, принятый в 1999 году, и оправдательный приговор Верховного суда Грузии, которым в 2001 году было отменено его осуждение судами Аджарской Автономной Республики, были нарушены его права, гарантированные пунктами 1, 3 и 4 статьи 5, пунктом 1 статьи 6, пунктом 1 статьи 10 и статьей 13 Конвенции, а также статьей 2 Протокола № 4 к Конвенции.

4. Жалоба была передана на рассмотрение Второй Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 26 февраля 2002 г. власти Грузии были уведомлены о жалобе (подпункт «b» пункта 2 правила 54 Регламента Европейского Суда). В своих замечаниях, представленных в Европейский Суд 18 апреля 2002 г., власти Грузии ограничились комментированием фактов, не сделав каких-либо замечаний относительно приемлемости жалобы и по существу дела. 30 мая 2002 г. заявитель прокомментировал замечания властей Грузии.

5. 12 ноября 2002 г. жалоба была объявлена частично приемлемой для рассмотрения по существу Палатой, созданной в рамках Второй Секции Европейского Суда, в следующем составе: Ж.-П. Коста, Председателя, А.Б. Бака, Гаукура Йорундссона, К. Юнгвирта, В. Буткевича, В. Томассен, М. Угрехелидзе, судей, С. Долле, Секретаря Секции Суда.

6. В период с декабря 2002 года по февраль 2003 года были предприняты попытки заключить мировое соглашение по делу (подпункт «b» пункта 1 статьи 38 Конвенции и правило 62

Регламента Европейского Суда). 10 февраля 2003 г. власти Грузии сообщили Европейскому Суду о том, что переговоры центрального правительства с властями Аджарской Автономной Республики оказались безуспешными, поэтому они не смогли представить в Европейский Суд предложения по мирному урегулированию дела.

7. 18 марта 2003 г. Палата Европейского Суда в другом составе (Л. Лукаидес заменил Гаукура Йорундссона, который не мог принимать дальнейшее участие в рассмотрении дела) уступила свою юрисдикцию в пользу Большой Палаты. Стороны не возражали против этого решения (статья 30 Конвенции и правило 72 Регламента Европейского Суда).

8. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правилом 24 Регламента Европейского Суда.

9. Поскольку власти Грузии не представили замечаний по существу жалобы, когда дело поступило на рассмотрение Второй Секции Суда, 11 июля 2003 г. Председатель Большой Палаты Европейского Суда предложил сторонам представить письменные замечания по существу жалоб, признанных приемлемыми для рассмотрения по существу (пункт 1 правила 59 и пункты 1 и 2 правила 71 Регламента Европейского Суда). После этого заявитель и власти Грузии представили письменные замечания по существу жалобы.

10. 18 июля 2002 г., 17 февраля и 15 сентября 2003 г. адвокат Страсбургской адвокатской коллегии Л. Хинкер ходатайствовал о разрешении организации «Союз жертв преступлений, совершенных Тамазом и Тенгизом Асанидзе и их преступным сообществом», заместителю Председателя Верховного суда Аджарской Автономной Республики В. Хахутаишвили (*V. Khakhtaishvili*), местным аджарским властям, представленным Председателем Верховного суда Аджарской Автономной Республики А. Абашидзе (*A. Abashidze*), участвовать в деле в качестве третьих лиц (пункт 2 статьи 36 Конвенции).

11. 9 октября 2003 г. власти Грузии просили Европейский Суд разрешить властям Аджарской Автономной Республики участвовать в деле в качестве третьей стороны.

12. 30 октября 2003 г. Председатель Европейского Суда, выяснив мнение судей Большой Палаты, отклонил ходатайство о разрешении участвовать в деле в качестве третьих лиц. Относительно ходатайства, поданного от имени властей Аджарской Автономной Республики, он отметил, что при рассмотрении дела в Европейском Суде власти государства-ответчика, в том числе региональные (даже если они обладают автономией), в принципе должны быть представлены центральными властями и, следовательно, власти Аджарской Автономной Республики не могут вступить в дело в качестве третьей стороны.

13. Однако Председатель Европейского Суда напомнил властям Грузии, с учетом их ходатайства от 9 октября 2003 г., о том, что они имеют право включить представителей региональных властей в состав делегации от государства-ответчика, которые могут выступить в Европейском Суде на слушании 19 ноября 2003 г.

14. 8 ноября 2003 г. власти Грузии сообщили Европейскому Суду, что они решили включить представителей от властей Аджарской Автономной Республики в состав делегации от властей Грузии.

15. 17 ноября 2003 г. Л. Хинкер, А. Абашидзе и В. Хахутаишвили при поддержке Л. Челидзе, Генерального представителя Грузии при Европейском Суде, обратились в Европейский Суд с ходатайством об отложении слушания дела, поскольку у властей Аджарской Автономной Республики было недостаточно времени для того, чтобы подготовиться к нему с момента принятия решения о включении их представителей в состав делегатов от властей Грузии. 18 ноября 2003 г. Председатель Европейского Суда отклонил это ходатайство.

16. Слушание по делу состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 19 ноября 2003 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(a) со стороны властей Грузии:

Л. Челидзе, *Генеральный представитель Грузии при Европейском Суде*,

А. Абашидзе, *Председатель Верховного суда Аджарской Автономной Республики*,

В. Хахутаишвили, *заместитель Председателя Верховного суда Аджарской Автономной Республики*,

Л. Хинкер, *представитель*,

Г. Нусс (*G. Nuss*), *советник*;

(b) со стороны заявителя:

Л. Мухашаврия,

З. Хатиашвили, *представитель*,

В. Вандова (*V. Vandova*),

М. Гиошвили (*M. Gioshvili*), *советники*,

Д. Асанидзе, *сын заявителя*.

Европейский Суд заслушал выступления Л. Мухашаврии, Л. Челидзе и Л. Хинкера, а также их ответы на вопросы одного из судей.

17. В свете событий в Грузии в ноябре 2003 года, которые привели, в частности, к отставке Президента Грузии Эдуарда Шеварнадзе, 28 ноября 2003 г. Председатель Большой Палаты Европейского Суда предложил сторонам сообщить ему, как эти изменения могли, по их мнению, отразиться на замечаниях, которые уже были представлены в Европейский Суд.

18. 15 декабря 2003 г. стороны представили свои замечания после того, как им было предоставлено дополнительное время.

19. 15 января 2004 г. власти Грузии в соответствии с пунктом 3 правила 60 Регламента Европейского Суда представили свои комментарии относительно требования заявителя о выплате справедливой компенсации.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

20. Заявитель родился в Грузии в 1944 году. В настоящее время он содержится под стражей в г. Батуми, столице Аджарской Автономной Республики, входящей в состав Грузии.

А. ПЕРВОЕ ОСУЖДЕНИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ, ПОМИЛОВАНИЕ ПРЕЗИДЕНТОМ ГРУЗИИ

21. Заявитель в прошлом являлся мэром г. Батуми и членом Верховного Совета Аджарии. 4 октября 1993 г. он был арестован по подозрению в совершении незаконных финансовых операций с компанией «Батумская табачная фабрика», частной компанией, а также в незаконном владении и ношении оружия. 28 ноября 1994 г. заявитель был осужден к восьми годам лишения свободы и конфискации имущества, а также на него было возложено обязательство компенсировать материальный ущерб, причиненный указанной компании. 27 апреля 1995 г. Верховный суд Грузии, рассмотрев жалобу по вопросам права, подтвердил приговор заявителя от 28 ноября 1994 г. в части обвинения в совершении незаконных финансовых операций, но отменил его по остальным пунктам обвинения. Вместо того, чтобы быть переведенным в тюрьму для отбытия наказания, заявитель продолжал содержаться под стражей в следственном изоляторе Министерства безопасности (*The Short-Term Remand Prison of the Security Ministry*) Аджарской Автономной Республики.

22. Указом Президента Грузии от 1 октября 1999 г. № 1200 заявитель был помилован с отсрочкой отбытия оставшихся двух лет лишения свободы.

В соответствующих частях данного указа указывалось следующее:

«...нижеследующим лицам даруется помилование:

1) Тенгизу Давиду Асанидзе, 1944 г.р., обвиненному в совершении преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 238, статьями 96.1 и 45 Уголовного кодекса, и осужденного 28 ноября 1994 г. Верховным судом Аджарской Автономной Республики к восьми годам лишения свободы; оставшиеся два года лишения свободы с отбыванием наказания в тюрьме отменяются и заменяются на условно-досрочное освобождение на тот же срок...

2) N.V.G., 1983 г.р. ...

3) M.A.M., 1953 г.р. ...».

23. Несмотря на помилование Президентом Грузии, заявитель продолжал содержаться под стражей в том же месте.

24. Компания «Батумская табачная фабрика» сразу же обжаловала в Верховный суд Аджарской Автономной Республики Указ Президента от 1 октября 1999 г. № 1200 как незаконный. Исполнение указа было приостановлено в соответствии со статьей 29 Административно-процессуального кодекса.

25. 11 ноября 1999 г. Верховный суд Аджарской Автономной Республики признал указ Президента Грузии незаконным и недействительным на том основании, что не была соблюдена установленная процедура, которой Президент Грузии был обязан следовать до того, как он сможет осуществить право на помилование.

26. Это судебное решение было отменено 28 декабря 1999 г. Верховным судом Грузии, который на основании статьи 360 Гражданского кодекса, действовавшего в то время, передал дело на рассмотрение коллегии по административным и налоговым делам Тбилисского апелляционного суда (*The Administrative and Tax Affairs Panel of the Tbilisi Court of Appeal*).

В своих показаниях в этом суде компания «Батумская табачная фабрика» снова выдвинула довод о том, что помилование не соответствовало Указу Президента от 13 мая 1998 г., в котором определялись правила осуществления права на помилование Президентом Грузии, а кроме того, заявитель еще не выполнил своего обязательства по возмещению материального ущерба, причиненного данному компании.

27. Тем временем, 11 декабря 1999 г., заявителю были предъявлены новые обвинения в совершении преступлений (см. ниже § 33 и *et seq.*).

28. 24 марта 2000 г. Тбилисский апелляционный суд отклонил жалобы компании «Батумская табачная фабрика» как необоснованные. Он постановил, что обжалованные нарушения процедуры помилования (неполучение заключения Комиссии по помилованиям, а также отсутствие раскаяния заявителя) не делали указ Президента Грузии незаконным, поскольку право на помилование являлось абсолютным конституционным правом, принадлежащим Президенту Грузии. Тбилисский апелляционный суд отметил, что, так как помилование заявителя не распространялось на дополнительное обязательство возместить материальный ущерб, компания «Батумская табачная фабрика» могла использовать иные предусмотренные законом способы исполнения данного обязательства. В отношении остальных пунктов компания «Батумская табачная фабрика» не имела оснований для оспаривания правомерности помилования или законности указа Президента Грузии. Тбилисский апелляционный суд также отметил, что компания «Батумская табачная фабрика» согласно закону не

имела права требовать возобновления уголовного дела против заявителя. По его мнению, лишение заявителя свободы являлось нарушением пункта 1 статьи 5 Конвенции.

29. 11 июля 2000 г. Верховный суд Грузии отклонил жалобу по вопросам права, поданную компанией «Батумская табачная фабрика», как необоснованную. Он указал, что оспариваемое решение о помиловании заявителя не затрагивало ни основное наказание заявителя, ни обязательство по возмещению материального ущерба, причиненного данной компанией, поскольку оставшиеся два года лишения свободы были безусловно отменены, а наказание было заменено на условно-досрочное освобождение из места лишения свободы на тот же период. Верховный суд Грузии подчеркнул, что единственным следствием помилования Президентом Грузии являлось, таким образом, немедленное освобождение заявителя, а основное и дополнительные наказания остались неизменными. Что касается нарушения Президентом Грузии процедуры реализации права на помилование, Верховный суд Грузии признал, что Указ Президента от 13 мая 1998 г. содержал правила осуществления полномочий Президента Грузии, и их несоблюдение ни при каких обстоятельствах не могло препятствовать осуществлению его конституционного права на помилование.

30. Даже после 11 июля 2000 г. власти Аджарской Автономной Республики продолжали содержать заявителя в следственном изоляторе Министерства безопасности Аджарской Автономной Республики.

31. 24 июня 2002 г. Бюро Парламента Грузии передало вопрос о законности помилования заявителя на рассмотрение следственного комитета Парламента Грузии, ответственного за надзор за деятельностью государственных служащих, который 26 сентября 2002 г. подготовил свой доклад (см. ниже § 72 и *et seq.*).

32. 4 октября 2002 г. Президент Грузии издал Указ о внесении изменений в Указ Президента от 13 мая 1998 г., устанавливающий правила осуществления права на помилование. Статья 10.1 указа в новой редакции наделяла Президента Грузии правом помиловать осужденных в соответствии с подпунктом «о» пункта 1 статьи 73 Конституции Грузии без обязательного соблюдения дополнительных требований, установленных в названном указе.

В. ВТОРОЕ ОСУЖДЕНИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ, ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОПРАВДАНИЕ

33. 12 ноября 1999 г. Давид Асанидзе, близкий родственник заявителя, 20 сентября 1996 г. осужденный Верховным судом Грузии к 20 годам лишения свободы, дал интервью одному телеканалу,

вещавшему на территории Аджарской Автономной Республики, в котором он утверждал, что заявитель был одним из его сообщников.

34. После этого интервью заявитель, который после помилования Президента Украины 1 октября 1999 г. оставался под стражей, 11 декабря 1999 г. был обвинен в членстве в преступной организации в 1993 году, а также в покушении на похищение начальника милиции Хелвачаурского района Аджарской Автономной Республики V.G.

35. 28 декабря 1999 г. Батумский суд первой инстанции вынес постановление о заключении заявителя под стражу до окончания следствия по новым обвинениям. По словам заявителя, предварительное расследование по делу закончилось 29 декабря 1999 г., уголовное дело составляло пять томов.

36. 2 марта 2000 г. Генеральная прокуратура Грузии приняла решение не предпринимать каких-либо действий, поскольку преследование заявителя не было основано на споре, а также потому, что все обстоятельства и доказательства, относившиеся к убийству V.G., были изучены Верховным судом Грузии, действовавшим при реализации своего неограниченного усмотрения, при рассмотрении уголовного дела Давида Асанидзе в 1996 году. Генеральная прокуратура решила, что, если всестороннее изучение материалов дела о похищении и убийстве V.G. не выявило доказательств того, что заявитель являлся членом преступной группы, возглавлявшейся Давидом Асанидзе, отсутствовали основания для его обвинения по тому же делу через шесть лет после произошедших событий.

37. 20 марта 2000 г. это решение было отменено Батумским судом первой инстанции по жалобе потерпевшей стороны. Соответственно, 28 апреля 2000 г. прокуратура Аджарской Автономной Республики вынесла постановление о возобновлении уголовного дела против заявителя. Прокуратура завершила предварительное расследование вынесением постановления от 29 апреля 2000 г.

38. Дело заявителя было передано на рассмотрение Верховного суда Аджарской Автономной Республики, он отрицал свою вину. Заявитель утверждал, что новые обвинения являлись частью заговора против него, имевшего целью оклеветать его. Он отрицал, что когда-либо имел связи с Давидом Асанидзе или его сообщниками, которые вплоть до их задержания скрывались в лесах Аджарии, будучи объявленными вне закона. Заявитель сообщил также, что его никогда не нанимали для похищения V.G., который был убит Давидом Асанидзе и его бандой. Заявитель не согласился с показаниями трех свидетелей обвинения о том, что похищение государственного служащего помогло бы заявителю консолидировать свои полномочия в качестве мэра г. Батуми. Он просил судей признать его невиновным.

39. Верховный суд Аджарской Автономной Республики признал, что, хотя заявитель отрицал свое участие в организации похищения, сопряженного с убийством потерпевшего, его вина была установлена показаниями трех свидетелей обвинения: Давида Асанидзе, лидера преступного сообщества, и двух членов банды, Мамуки Мосиавы (*Mamuka Mosiava*) и Тамаза Джинчарадзе (*Tamaz Jincharadze*). 20 сентября 1996 г. все трое были осуждены вместе с Тамазом Асанидзе, братом заявителя, за совершение, *inter alia*, убийства V.G.

40. Во время рассмотрения дела заявителя возникли разногласия между Давидом Асанидзе и заявителем в связи с утверждениями первого о том, что заявитель предоставил ему денежные средства и два пулемета для совершения похищения.

41. М. Мосиава сообщил, что он не знал заявителя и никогда не встречался с ним. Он рассказал, что мельком видел заявителя, когда сопровождал Давида Асанидзе на встречу с ним, а также слышал, как тот давал Давиду Асанидзе инструкции по похищению V.G.

42. Из приговора суда следовало, что третий свидетель, Т. Джинчарадзе, не смог явиться в суд из-за болезни и был допрошен судьями в кабинете начальника следственного изолятора Министерства безопасности Аджарской Автономной Республики. Он сообщил, что не был знаком с заявителем и видел его только по телевизору. Он узнал о том, что брат заявителя, Тамаз Асанидзе, дал их банде инструкции от Давида Асанидзе по убийству V.G. Давид Асанидзе не хотел быть замешан в убийстве и должен был встретиться с заявителем, который, как был убежден Т. Джинчарадзе, не имел отношения к данному делу. На упомянутой встрече заявитель сказал Давиду Асанидзе, что не было необходимости в устранении V.G., было достаточно похитить его. 2 октября 1993 г. три члена преступной группы подстерegli потерпевшего на одной из улиц г. Батуми, пытаясь похитить его в соответствии с инструкциями заявителя, случайно совершили убийство.

43. Верховный суд Аджарской Автономной Республики постановил, что вину заявителя подтверждали не только показания трех свидетелей, но и тот факт, что эти свидетели были осуждены Верховным судом Грузии 20 сентября 1996 г. Не разбирая подробно данный вопрос, Верховный суд Аджарской Автономной Республики в качестве вывода указал, что, даже если дело заявителя было тесно связано с делом Давида Асанидзе и его сообщников, имело место самостоятельное преступное деяние, состоявшее в участии в деятельности преступной группы, возглавляемой Давидом Асанидзе, и в организации похищения V.G. По мнению Верховного суда Аджарской Автономной Республики, в соответствии с законом заявитель должен был нести уголовную ответственность за деяния, к которым он был причастен.

44. 2 октября 2000 г. заявитель был осужден и приговорен к 12 годам лишения свободы, которые он должен был отбывать в тюрьме строгого режима.

45. Верховный суд Аджарской Автономной Республики отметил, что после задержания 4 октября 1993 г. заявитель всё время содержался под стражей и не был освобожден после того, как был помилован Президентом Грузии 1 октября 1999 г. Следовательно, он должен был считаться отбывающим наказание с 4 октября 1993 г.

46. Заявитель подал жалобу по вопросам права в Верховный суд Грузии. Центральные власти предприняли ряд попыток доставить его из г. Батуми в г. Тбилиси в день слушания. Министр юстиции Грузии через представителя министра государственной безопасности Грузии и через Уполномоченного по правам человека в Грузии просил власти Аджарской Автономной Республики организовать доставку заявителя в столицу, но безуспешно.

47. 29 января 2001 г. коллегия по уголовным делам Верховного суда Грузии рассмотрела жалобу в отсутствие заявителя. Она отменила приговор от 2 октября 2000 г. и оправдала заявителя.

48. Верховный суд Грузии, *inter alia*, постановил:

«Предварительное расследование и судебное следствие по настоящему делу проводились с явным нарушением законодательства. В уголовном деле не содержалось неопровержимых доказательств, подтверждавших обвинение; кроме того, приговор суда противоречив и основан на несогласованных предположениях и показаниях лиц, заинтересованных в исходе дела, к тому же полученных с нарушением норм процессуального законодательства.

Осужденный Тенгиз Асанидзе отрицал свою вину в совершении вменяемых ему преступлений как на стадии предварительного расследования, так и на стадии рассмотрения его дела судом. Он заявил, что был осужден в результате сговора лиц, заинтересованных в неблагоприятном для него исходе процесса.

Верховный суд отмечает, что в материалах дела отсутствовали доказательства, опровергавшие аргументы [Тенгиза Асанидзе]. Было установлено, что Давид Асанидзе и Тамаз Асанидзе (брат заявителя) были осуждены 20 сентября 1996 г., а также что Давид Асанидзе, который неоднократно заявлял, что его сообщником был Тамаз Асанидзе, ни на одной стадии процесса не упоминал имени Тенгиза Асанидзе. И только 12 ноября 1999 г. (через шесть лет и один месяц после рассматриваемых событий) Давид Асанидзе в интервью, данному местному аджарскому телеканалу, обвинил Тенгиза Асанидзе в том, что тот был его сообщником. В этом интервью Давид Асанидзе выразил также свое возмущение и негодование тем фактом, что Тенгиз Асанидзе был помилован, и поставил властям в вину то, что они пытались представить его как «невинную овечку»».

49. Верховный суд Грузии признал, что органы следствия и суд, рассматривавший дело в первой инстанции, не пытались выяснить, почему Давид Асанидзе так долго ждал момента, чтобы оклеветать заявителя, и не сделал этого на процессе по собственному делу. Вместо этого они просто отметили: «Отношения между Давидом Асанидзе и Тенгизом Асанидзе были нормальными, представляется маловероятным, что запоздалые заявления Давида Асанидзе были сделаны в его собственных интересах». Однако Верховный суд Грузии счел, что доказательства, имевшиеся в материалах дела, предполагали обратное, и «исключил предположение о том, что Давид Асанидзе не был заинтересован в клевете на заявителя или что его утверждения были обоснованными и достоверными». Верховный суд Грузии отметил, что, по словам заявителя, отношения между ним и Давидом Асанидзе стали напряженными после спора между ними по поводу раздела семейного захоронения их отцов. Давид Асанидзе не отрицал факт существования этого спора на слушании 20 сентября 1999 г. Таким образом, Верховный суд Грузии пришел к выводу, что утверждение Давида Асанидзе о том, что между ними не было личной неприязни, не отражало истинного положения дел.

50. Верховный суд Грузии постановил, что заявитель не мог быть признан виновным единственно на основании показаний Давида Асанидзе, сделанных через шесть лет после соответствующих событий.

51. Далее Верховный суд Грузии отметил, что кроме Давида Асанидзе, М. Мосиава и Т. Джинчарадзе также с запозданием обвинили заявителя в участии в деятельности преступной группы, возглавлявшейся Давидом Асанидзе. Они также вспомнили о заявителе лишь через нескольких лет после окончания процесса по их делу. Однако оба свидетеля утверждали, что не знали заявителя и узнали о его причастности к похищению от самого Давида Асанидзе. Верховный суд Грузии пришел к заключению, что при данных обстоятельствах показания М. Мосиавы и Т. Джинчарадзе не могли являться достоверными и неопровержимыми доказательствами.

52. Также Верховный суд Грузии отметил, что их показания о том, что заявитель снабдил банду деньгами и двумя пулеметами для похищения V.G., не были ничем подтверждены.

53. Рассмотрев остальные доказательства, на которых суд первой инстанции основывал свой приговор по делу заявителя, и сравнив их с показаниями Давида Асанидзе на процессе по его делу в 1996 году, Верховный суд Грузии пришел к следующему выводу:

«Обвинение и осуждение [заявителя] основывались исключительно на показаниях лиц, прямо заинтересованных в исходе его дела, других доказательств его вины в материалах дела не имелось.

Поэтому суд должен признать, что в соответствии с уголовным правом Тенгиз Асанидзе не совершал преступление».

54. Кроме того, Верховный суд Грузии установил серьезные процессуальные нарушения в уголовном процессе по делу заявителя. Так, он отметил, что 6 марта 2000 г. следователь отклонил ходатайство заявителя о проведении его очной ставки с Давидом Асанидзе по поводу обвинений в похищении на том основании, что оно не было связано с делом Давида Асанидзе и имело целью дополнительно задержать расследование по делу. По мнению судей Верховного суда Грузии, следственные органы не провели тщательное эффективное расследование по обвинениям против заявителя, касавшимся его участия в данном деле.

55. Верховный суд Грузии отметил: «В соответствии с обжалованным приговором, несмотря на свою связь с делом Давида Асанидзе и его сообщников, настоящее дело касалось отдельного преступного деяния. Однако в этом же приговоре указывается, что, помимо других доказательств против него, вина Тенгиза Асанидзе подтверждалась также осуждением Давида Асанидзе и его сообщников». Верховный суд Грузии добавил, что, сделав подобный вывод, суд первой инстанции «не дал никаких объяснений тому, каким образом осуждение Давида Асанидзе и его сообщников подтверждало вину Тенгиза Асанидзе, ведь они были осуждены за убийство должностного лица, а Тенгиз Асанидзе обвинялся в организации похищения этого лица». Таким образом, Верховный суд Грузии счел, что суд первой инстанции фактически не рассмотрел вопрос о том, должно ли было дело заявителя быть рассмотренным совместно с делом Давида Асанидзе или как независимое преступное деяние.

Исходя из этого, Верховный суд Грузии признал осуждение заявителя незаконным на других основаниях, относившихся к правовой классификации рассматриваемых преступлений.

56. Далее Верховный суд Грузии постановил: «Обвинительный приговор, вынесенный Верховным судом Аджарской Автономной Республики Тенгизу Асанидзе, должен быть отменен, уголовное дело против него прекращено, так как в его действиях не обнаружено признаков состава преступления.

Тенгиз Асанидзе подлежит немедленному освобождению.

Данное постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Оправданному должно быть разъяснено его право на подачу иска о возмещении вреда, причиненного ему незаконными и необоснованными действиями органов, проводивших следствие по его делу».

57. 29 января 2001 г. Председатель коллегии Верховного суда Грузии направил для исполнения краткую версию оправдательного приговора заявителю министру юстиции, директору Депар-

тамента Министерства юстиции по исполнению наказаний и начальнику следственного изолятора Министерства безопасности Аджарской Автономной Республики. Верховный суд Грузии сообщил им, что позднее они получат полную версию приговора.

58. 5 февраля 2001 г. Председатель коллегии направил им полную версию оправдательного приговора, освобождавшего заявителя от наказания.

59. Приговор так и не был исполнен, и заявитель по-прежнему содержится под стражей в следственном изоляторе Министерства безопасности Аджарской Автономной Республики.

60. О незаконном заключении заявителя неоднократно сообщали Генеральная прокуратура Грузии, Уполномоченный по правам человека, Министерство юстиции Грузии и Комитет по юридическим вопросам Парламента Грузии. Они связывались с соответствующими органами Аджарской Автономной Республики, прося их немедленно освободить заявителя.

61. В письмах от 20 апреля и 22 мая 2001 г. Генеральная прокуратура Грузии сообщила жене заявителя следующее:

«...отвечая на Ваше письмо, хотел бы сообщить Вам, что Генеральная прокуратура Грузии делает всё возможное для обеспечения исполнения решения Верховного суда Грузии от 29 января 2001 г. и прекращения незаконного заключения Тенгиза Асанидзе».

62. В письме от 20 апреля 2001 г. заместитель Председателя Верховного суда Грузии сообщил жене заявителя, что резолютивная часть оправдательного приговора заявителя от 29 января 2001 г. была послана по факсимильной связи в тот же день для исполнения министру юстиции Грузии, директору Департамента Министерства юстиции по исполнению наказаний и начальнику следственного изолятора Министерства безопасности Аджарской Автономной Республики и начальнику следственного изолятора Министерства безопасности Аджарской Автономной Республики. Он добавил, что мотивировочная часть приговора была выслана им письмом 5 февраля 2001 г. Заместитель Председателя в своем письме сообщил также, что 9 февраля 2001 г. Верховный суд Грузии получил подтверждение о его получении, подписанное начальником следственного изолятора Министерства безопасности Аджарской Автономной Республики.

63. 18 мая 2001 г. Уполномоченный по правам человека написал непосредственно Аслану Абашидзе, главе Администрации Аджарской Автономной Республики:

«...Ваши органы до сих пор не ответили на мою рекомендацию от 31 января 2001 г., несмотря на то, что Тенгиз Асанидзе по-прежнему содержится в следственном изоляторе Министерства безопасности Аджарской Автономной Республики, что

явным образом нарушает нормы законодательства... В соответствии с Законом "Об уполномоченном по правам человека" несоблюдение рекомендации Уполномоченного по правам человека является административным проступком и уголовным преступлением, если это деяние мешает ему осуществлять свои функции... Поэтому прошу Вас исполнить мои законные требования и привлечь начальника следственного изолятора Министерства безопасности Аджарской Автономной Республики и самого министра к ответственности».

64. 10 мая 2001 г. председатель Комитета по юридическим вопросам Парламента Грузии отправил в Генеральную прокуратуру Грузии письмо следующего содержания:

«...29 января 2001 г. Верховный суд Грузии оправдал Тенгиза Асанидзе. Тем не менее он продолжает отбывать наказание в камере следственного изолятора Министерства безопасности Аджарской Автономной Республики... Это является грубым нарушением статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод... Поэтому прошу Вас принять необходимые меры для привлечения к ответственности лиц, виновных в неисполнении вышеупомянутого судебного решения».

65. 7 июня 2001 г. директор Департамента по исполнению наказаний Министерства юстиции Грузии в письме сообщил жене заявителя, что ее муж имеет полное право подать жалобу против властей Грузии в Европейский Суд. Он писал: «Мы считаем, что власти Аджарской Автономной Республики явным образом нарушают законодательство и права человека».

66. Усилия центральных властей по освобождению заявителя не привели к какому-либо результату.

67. По утверждению властей Грузии, 3 сентября 2001 г. органы прокуратуры при военных судах Грузии постановили привлечь к уголовной ответственности некоторых должностных лиц Министерства безопасности Аджарской Автономной Республики, подозревавшихся в неисполнении оправдательного приговора заявителя от 29 января 2001 г. Милиция пытается установить местонахождение лиц, причастных к совершению преступления.

68. 8 января 2002 г. сын заявителя направил в Европейский Суд письмо, в котором сообщал об ухудшении состояния здоровья его отца. В соответствии с медицинским заключением от 4 декабря 2001 г. у заявителя были гастрит, сердечная недостаточность и гастроэзофагеальный рефлюкс. Поскольку эти болезни вели к серьезным проблемам с питанием, он требовал срочно назначить его отцу соответствующее лечение.

69. 28 мая 2003 г. власти Грузии представили в Европейский Суд письмо, направленное 4 марта 2003 г. от имени Е. Шеварнадзе (*E. Shevardnadze*) главе Аджарской Автономной Республики А. Абашидзе, в котором говорилось:

«Вы являетесь человеком всем сердцем верным государственным интересам, и я верю, что

могу рассчитывать на Ваше понимание данной ситуации... Как Вы знаете, Европейский Суд (в г. Страсбурге) очень скоро должен провести слушание по существу дела Асанидзе. Его семья требует в качестве компенсации 3 млн. долларов. Очевидно, что Грузия проиграет это дело, и государство будет сурово наказано. Имеется всего один способ решить эту проблему: если Асанидзе будет освобожден, его семья согласится забрать жалобу.

Я уверен, что Вы сыграете роль в принятии единственно правильного решения, которое соответствует интересам Грузии».

70. 3 апреля 2003 г. Председатель Верховного суда Аджарской Автономной Республики направил ответ Президенту Грузии. Прежде всего он обвинял главу государства в предоставлении убежища лицам аджарского происхождения, покинувшим г. Батуми, чтобы найти убежище в г. Тбилиси после того, как они организовали теракты против главы Аджарской Автономной Республики. Затем он обратил внимание Президента Грузии на доклад комитета Парламента Грузии (см. ниже § 72 и *et seq.*), в котором указывалось на различные нарушения, допущенные в порядке помилования и оправдания заявителя. Основываясь на выводах парламентского комитета и статье 2 Протокола № 7 к Конвенции, Председатель Верховного суда Аджарской Автономной Республики предложил Президенту Грузии возобновить дело заявителя и пересмотреть его в свете изложенных в докладе обстоятельств.

71. В этом письме утверждалось, что жалоба заявителя в Европейский Суд являлась злоупотреблением правом на подачу жалобы по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции, а также что в данном деле ему помогли Генеральная прокуратура Грузии, Уполномоченный по правам человека, Верховный суд Грузии и Совет национальной безопасности. Председатель Верховного суда Аджарской Автономной Республики добавил, что, так как парламентский комитет являлся национальным органом по смыслу статьи 13 Конвенции, нельзя было считать, что заявитель исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты до 26 сентября 2002 г., когда был принят доклад этого комитета. Обратив внимание Президента Грузии на данный вопрос, он отметил, что Министерство юстиции Грузии ввело Европейский Суд в заблуждение своими замечаниями.

С. ДОКЛАД ПАРЛАМЕНТСКОГО КОМИТЕТА ОТ 26 СЕНТЯБРЯ 2002 г. И СОДЕРЖАВШИЕСЯ В ОТВЕТЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СУДА ГРУЗИИ

1. Доклад парламентского комитета

72. 30 июля 2002 г. власти Грузии письмом сообщили Европейскому Суду, что 24 июня 2002 г.

следственный комитет Парламента Грузии, осуществляющий надзор за законностью деятельности гражданских служащих, по просьбе Бюро парламента начал расследование обстоятельств, при которых Президент Грузии помиловал Асанидзе. Комитет, в состав которого входили члены парламента, преподаватели университетов и практикующие юристы, 26 сентября 2002 г. подготовил свой доклад.

73. Хотя компетенция парламентского комитета ограничивалась вопросами, связанными с осуществлением помилования, он решил рассмотреть также обстоятельства преследования и оправдания заявителя в рамках второго процесса. Во введении к докладу парламентский комитет объяснил причины подобного расширения своей компетенции. В частности, в нем отмечалось следующее: «Президентское помилование не является отдельным действием или процедурой. В настоящем деле имела место тесная связь между всеми процессами, и, чтобы обеспечить всестороннее рассмотрение всех вопросов, было принято решение проанализировать хронологию всех этапов уголовного процесса по делу заявителя, ход процесса и содержание принятых решений». Таким образом, доклад состоял из двух отдельных частей: первая касалась законности президентского помилования, вторая – решений национальных судов по уголовному делу против заявителя.

(a) Президентское помилование

(i) Законность президентского помилования

74. 12 октября 1998 г. Совет национальной безопасности рассмотрел вопрос о мерах, которые необходимо принять в отношении пенитенциарной системы. По предложению Президента Грузии было решено, что он будет осуществлять принадлежащее ему право помилования. Администрациям тюрем было предложено изучить дела заключенных и направить Президенту Грузии ходатайства о помиловании вместе с делами и характеристиками соответствующих заключенных. Ходатайства о помиловании должны были составляться в следующей форме:

«Уважаемый Президент, я раскаиваюсь в совершенном преступлении и прошу Вас освободить меня от отбывания оставшейся части наказания».

Ходатайства, составленные в указанной форме, рассматривались, и Президент Грузии неоднократно осуществлял принадлежащее ему право помилования.

75. Парламентский комитет установил, что 15 января 1999 г. заявитель послал письмо Президенту Грузии, в котором просил освободить его от отбывания оставшейся части наказания. Поскольку заявитель не составил ходатайство в указанной

выше форме, комитет счел, что его помилование не отвечало установленным требованиям и, следовательно, было недействительным. Парламентский комитет также перечислил еще ряд нарушений: «дело заявителя» не было представлено в Комиссию по помилованиям, члены которой назначаются Президентом Грузии, имя заявителя отсутствовало в списке осужденных, ходатайствующих о помиловании, который был направлен Президенту Грузии властями Аджарской Автономной Республики, администрация следственного изолятора, в котором содержался заявитель, не направила вместе с ходатайством характеристику на заявителя.

76. Парламентский комитет установил, что в нарушение положений законодательства заместитель Председателя Совета национальной безопасности, один из помощников Президента Грузии, подготовил и предоставил ему рекомендацию о помиловании заявителя исключительно на основании письма заявителя от 15 января 1999 г. Парламентский комитет подчеркнул, что в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством это ходатайство должно было быть направлено в суд, а не в качестве ходатайства о помиловании Президенту Грузии.

77. Парламентский комитет счел, что, даже если предположить, что Президент Грузии имел право помиловать заявителя без соблюдения законодательной нормы, устанавливающей обязательство предварительного рассмотрения в первой инстанции ходатайств о помиловании компетентной комиссией, решение было принято незадолго до всеобщих выборов (октябрь 1999 года) и, несомненно, из политических соображений.

(ii) Судебный надзор за порядком осуществления помилования Президентом Грузии

78. Парламентский комитет счел, что доводы Тбилисского апелляционного суда и Верховного суда Грузии, содержащиеся в их постановлениях от 24 марта и 11 июля 2000 г., не соответствовали статьям 60 и 61 Административного кодекса, предусматривающим исчерпывающий перечень оснований, по которым могут быть признаны недействительными административные акты. Действие этих статей лишает смысла статью 42 Конституции, которая гарантирует каждому право на обращение в суд за защитой своих прав.

79. Парламентский комитет отметил, что в соответствии с внутригосударственным законодательством осуществление помилования Президентом Грузии является административным актом, надзор за которым возложен на административные суды. Поскольку акт помилования заявителя был обжалован в судах, оно не исполнялось до 11 июля 2000 г., когда было принято решение Верховного суда Грузии.

80. Парламентский комитет подверг критике довод, выдвинутый Тбилисским апелляционным судом в своем решении от 24 марта 2000 г. в качестве обоснования отклонения ходатайства о судебном надзоре, поданного компанией «Батумская табачная фабрика». В частности, комитет счел, что Тбилисский апелляционный суд в своем решении вышел за рамки ходатайства, так как данная компания не просила возобновлять уголовное дело против заявителя. В связи с этим апелляционный суд не должен был решать вопрос о законности продолжавшегося содержания заявителя под стражей. Поскольку эти два вопроса находились в юрисдикции уголовных, а не административных судов, парламентский комитет счел, что Тбилисский апелляционный суд должен был ограничиться рассмотрением вопроса о законности оспаривавшегося президентского акта.

81. Далее парламентский комитет отметил, что президентское помилование касалось только лишения свободы и не затрагивало обязанности заявителя выплатить компенсацию причиненного материального вреда компании «Батумская табачная фабрика». Следовательно, Тбилисский апелляционный суд должен был изучить влияние президентского помилования на дополнительное наказание.

(b) *Оправдание заявителя*

82. Парламентский комитет отметил, что в ходе второго этапа процесса, во время которого заявитель был оправдан, как и в ходе первого, были допущены различные процессуальные нарушения и на стадии предварительного расследования, и на стадии судебного слушания. Кроме того, суды, рассматривавшие дело, не разрешили противоречия в показаниях различных свидетелей, полученных во время предварительного расследования, и не изучили тщательно особые обстоятельства дела. По мнению членов парламентского комитета, эти обстоятельства должны были быть «использованы судами в качестве доказательства и исследованы для установления истины по делу».

83. Для иллюстрации этого утверждения парламентский комитет подробно изучил различные доказательства и показания, полученные в процессе по делу Давида и Тамаза Асанидзе, Нодара Шотадзе и еще 14 человек, осужденных, *inter alia*, за убийство сотрудника Министерства внутренних дел (см. выше § 33 и *et seq.*).

84. Таким образом, парламентский комитет установил, что во время рассмотрения дела в Верховном суде Грузии в 1996 году Давид Асанидзе и Нодар Шотадзе «пытались представить» заявителя одним из организаторов покушения на А. Абашидзе, главу Аджарской Автономной Республики. По мнению членов парламентского комитета, вместо того, чтобы «игнорировать попытки Давида Асанидзе и Нодара Шотадзе

обвинить заявителя в совершении тяжких преступлений», судьи Верховного суда Грузии, рассматривавшие кассационную жалобу заявителя по вопросам права, должны были «возбудить новое уголовное дело против [заявителя] на основании статьи 257 Уголовно-процессуального кодекса, действовавшего в соответствующее время», то есть в 1993 году.

85. Парламентский комитет счел, что для того, чтобы прояснить некоторые подробности, существенные для установления истины по делу, Верховный суд Грузии должен был допросить не только вызванных свидетелей, но и Давида Асанидзе, которому необходимо было задать вопросы о его неформальной встрече с судьей, рассматривавшим его дело в 1996 году, и самого этого судью. Верховный суд Грузии должен был установить, кем и при каких обстоятельствах была записана эта встреча (на которой Давид Асанидзе неофициально обвинил заявителя в участии в деятельности его банды), и почему этот судья не упомянул об этом в приговоре от 20 сентября 1996 г.

86. Парламентский комитет критиковал Верховный суд Грузии за то, что он не допросил еще двух человек, упомянутых Давидом Асанидзе и сыном заявителя. Комитет счел, что судьи Верховного суда Грузии, рассматривавшие дело заявителя, должны были назначить экспертизу для установления того, кем и при каких обстоятельствах были приобретены оружие, боеприпасы и техническое оборудование, конфискованное по делу Давида Асанидзе в 1996 году. Они также не пытались выяснить, почему прокурор по делу заявителя отказался объединить его дело с делом Давида Асанидзе.

87. Наконец, парламентский комитет признал, что Верховный суд Грузии «не направил дело заявителя органам следствия для дополнительного расследования» и не должен был принимать «решение об оправдании заявителя, которое было незаконным, несправедливым и основанным на фактах, которые не были надлежащим образом исследованы».

88. По мнению членов парламентского комитета, «новые обстоятельства, установленные при рассмотрении дела для целей парламентского доклада, требуют проведения расследования и анализа». Это доказывает, что «установленные законодательством средства правовой защиты, призванные способствовать установлению истины, не были исчерпаны». Ссылаясь на подпункт «г» пункта 2 статьи 593 и статью 539 Уголовно-процессуального кодекса Грузии, парламентский комитет предположил, что процесс по делу заявителя должен был быть возобновлен.

89. 25 марта 2003 г. Генеральная прокуратура Грузии отклонила ходатайство гражданского истца о возобновлении и новом рассмотрении дела заявителя с учетом выводов парламентского коми-

тета. Было отмечено, *inter alia*, что эти выводы не являлись новыми обстоятельствами, которые могли бы служить основанием для возобновления дела заявителя. В отсутствие новых обстоятельств постановление Верховного суда Грузии, которое было окончательным и не подлежало обжалованию, согласно законодательству Грузии не могло быть оспорено.

2. Замечания Председателя Верховного суда Грузии

90. 8 ноября 2002 г. Председатель Верховного суда Грузии представил Президенту Грузии свои замечания по выводам, содержащимся в докладе парламентского комитета от 26 сентября 2002 г.

91. Председатель Верховного суда Грузии описал доклад как «предвзятый», «предубежденный», «неконституционный» и «содержащий ошибки». Прежде всего он отметил, что парламентский комитет действовал с превышением своих полномочий и вместо того, чтобы изучить обстоятельства помилования заявителя Президентом Грузии, он решил пересмотреть постановление высшего суда Грузии. Сделав это, парламентский комитет, по его мнению, нарушил фундаментальный конституционный принцип разделения властей. Доклад комитета подрывал понятия демократии и верховенства права. Председатель Верховного суда Грузии подчеркнул, что в соответствии с Конституцией никто не имеет права требовать у судьи объяснений по рассматриваемому им делу. Критика парламентским комитетом окончательного судебного решения, не подлежавшего обжалованию, только препятствовала его исполнению и дискредитировала судебную власть.

(а) Президентское помилование

92. Что касается выводов парламентского комитета по вопросу о президентском помиловании, Председатель Верховного суда Грузии в первую очередь отметил, что право помилования, закрепленное за Президентом Конституцией Грузии, было абсолютным и безусловным и не могло осуществляться независимо от норм, закреплявших принципы, на основании которых должны были изучаться Администрацией Президента ходатайства о помиловании. Далее он отметил, что во многих странах решение о помиловании не может быть обжаловано, поскольку оно является высшим актом гуманизма. Тот факт, что ходатайство заявителя о помиловании не было рассмотрено предварительно президентской комиссией по помилованиям, не мог сделать помилование незаконным, особенно если, как в настоящем деле, получение дела и характеристики заявителя от тюремных властей Аджарской Автономной Республики было непростой задачей. Председатель Верховного суда

Грузии подчеркнул также, что в настоящем деле помилование представляло собой попытку восстановления правосудия по отношению к осужденному, который годами незаконно содержался в заключении.

93. Он добавил, что часть доклада, относившаяся к постановлению Верховного суда Аджарской Автономной Республики от 11 ноября 1999 г., в которой президентское помилование объявлялось недействительным на основании процессуальных нарушений, была абсолютно неправильной. Председатель Верховного суда Грузии подчеркнул, что 11 ноября 1999 г. вступил в силу новый Административно-процессуальный кодекс, а в соответствии со статьей 360 Гражданского процессуального кодекса (данная норма применялась к оспариваемым административным делам в период, относившийся к обстоятельствам дела) к исключительной территориальной подсудности Тбилисского апелляционного суда относилось рассмотрение ходатайств о судебном надзоре за президентскими актами. Председатель Верховного суда Грузии выразил сожаление в связи с тем, что парламентский комитет не упомянул, что Верховный суд Аджарской Автономной Республики 11 ноября 1999 г. в нарушение действовавшего законодательства присвоил себе полномочия по рассмотрению ходатайств о судебном надзоре за осуществлением Президентом Грузии помилования.

(b) Оправдание заявителя

94. В своих замечаниях Председатель Верховного суда Грузии отметил, что, когда парламентский комитет признавал оправдательный приговор заявителя предвзятым, неполным и незаконным, он не принимал во внимание интересы заявителя или его незаконное заключение. Председатель Верховного суда Грузии считал, что комитет пытался тем самым оправдать продолжавшееся заключение заявителя, несмотря на его оправдание.

95. Парламентский комитет принял решение об изучении оправдательного приговора заявителя по собственной инициативе, но не выдвинул ни одного правдоподобного аргумента, указывавшего на вину заявителя. Он также не доказал, что Верховный суд Грузии мог вынести обвинительный приговор на основании имевшихся доказательств. Напротив, комитет не нашел каких-либо препятствий для содержания оправданного лица под стражей до тех пор, пока вопрос о его виновности/невиновности не будет заново рассмотрен с учетом вновь открывшихся обстоятельств. Это, по словам Председателя Верховного суда Грузии, было «абсолютно незаконно».

96. Председатель Верховного суда Грузии высказал сожаление по поводу того, что парламентский комитет не упомянул о том, что заявитель с момента осуждения содержался под стражей в след-

ственном изоляторе Министерства безопасности Аджарской Автономной Республики в нарушение действовавшего законодательства. Он отметил, что Давид Асанидзе, телевизионное интервью которого, по мнению членов парламентского комитета, должно было способствовать осуждению заявителя Верховным судом Грузии, отбывал наказание в той же тюрьме в виде лишения свободы на срок 20 лет.

97. Фрагмент доклада, в котором парламентский комитет признал, что заявитель не исчерпает средства правовой защиты, предусмотренные законом до тех пор, пока не возобновится процесс по его делу в свете новых обстоятельств, установленных парламентским комитетом, был назван Председателем Верховного суда Грузии «шедевром правовой выдумки». Он рекомендовал перевести этот доклад на различные иностранные языки, чтобы международные правозащитные организации имели к нему доступ.

98. Председатель Верховного суда Грузии выразил сожаление в связи с тем, что парламентский комитет поддался политическому давлению некоторых групп вместо того, чтобы помочь торжеству правосудия, о чем было высказано пожелание в конце доклада.

99. Наконец, Председатель Верховного суда Грузии сообщил, что он предпочитает оставить вопрос о продолжавшемся заключении заявителя после его оправдания на усмотрение Страсбургского суда.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГРУЗИИ И НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

А. РАЗВИТИЕ СТАТУСА АДЖАРИИ (БАТУМСКОГО РАЙОНА) И КОНСТИТУЦИЯ ГРУЗИИ 1921 ГОДА

100. В 1080 году Аджария, которая тогда входила в состав Багратидского царства, известного под названием «королевства Грузинского», была разорена турками-сельджуками, вторгшимися с юга. В 1570 году Аджария была захвачена Оттоманской империей. На ее территории были образованы санджаки (*sanjaks*) Верхняя Аджария и Нижняя Аджария, а сама провинция была присоединена к турецкому вилайету (*vilayet*) Чылдыр (Ахалцихе). Впоследствии за этот регион в разное время боролись оттоманы и соседние грузинские княжества. На основании статьи IV Адрианопольского договора, подписанного 2 сентября 1829 г. между Российской и Оттоманской империями, Аджария перешла к последней.

101. Статья LVIII Берлинского договора, подписанного 13 июля 1878 г. между Российской и Оттоманской империями, гласила:

«Блистательная Порты уступает Российской империи в Азии территории Ардагана, Карса и Батума с портом последнего».

102. 30 октября 1918 г. в г. Мудросе (*Mudros*) был подписан мирный договор между Великобританией и ее союзниками, с одной стороны, и Турцией, с другой. Статьи XI и XV этого договора предусматривали:

«XI. ...Войска Турции уже должны были эвакуироваться из части территории Закавказья. Если после изучения ситуации на месте союзники потребуют эвакуации войск с остальной территории, то их требование подлежит немедленному выполнению.

XV. ...Батум подлежит оккупации союзными войсками...».

103. Мирный договор, подписанный в г. Брест-Литовске 3 марта 1918 г. между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и Россией, с другой, в частности, предусматривал:

«IV. Округа Ардаган, Карса и Батум также незамедлительно освобождаются от присутствия русских войск. Россия не будет вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов, а предоставит населению данных округов право устанавливать новый строй в согласии с соседними государствами, особенно с Турцией».

104. Статья 107 Конституции Демократической Республики Грузия, принятой 21 февраля 1921 г., гласила:

«Неотъемлемые части Республики Грузия, а именно Абхазо-Сухумский округ, мусульманская Грузия (Батумский округ) и Закатальский округ, имеют право на автономное управление в местных делах».

105. Статья 2 Московских соглашений от 16 марта 1921 г., подписанных Россией и Турцией, устанавливала следующее:

«Турция соглашается уступить Грузии суверенитет над портом Батумом и территорией, лежащей к северу от границы, указанной в статье первой настоящего договора, и составляющей часть Батумского округа, при условии, что:

1) население местностей, указанных в настоящей статье, будет пользоваться широкой местной автономией в административном отношении, обеспечивающей каждой общине ее культурные и религиозные права, и население будет иметь возможность установить земельный закон, соответствующий его пожеланиям...».

106. 16 июля 1921 г. Аджария получила статус Автономной Советской Социалистической Республики, входившей в состав Грузинской Советской Социалистической Республики.

107. Статья 6 Карского договора, подписанного 13 октября 1921 г. между Правительством Турции, с одной стороны, и Правительствами Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР, с другой, устанавливала:

«Турция соглашается уступить Грузии суверенитет над портом и городом Батумом и территорией, лежащей к северу от границы, указанной в статье 4 настоящего договора и входившей в состав Батумского округа, при условии, что:

1) население местностей, указанных в настоящей статье договора, будет пользоваться широкой местной автономией в административном отношении, обеспечивающей каждой общине ее культурные и религиозные права, и что население будет предоставлена возможность установить земельный закон, соответствующий его пожеланиям;

2) Турции будет предоставлен свободный транзит любых товаров, отправляемых Турцией или из нее через Батумский порт беспешинно, без учения каких-либо задержек и без обложения их какими бы то ни было сборами, с предоставлением Турции права пользоваться Батумским портом без взимания за то специальных сборов.

Для применения этой статьи немедленно после подписания настоящего договора будет создана комиссия из представителей обеих заинтересованных сторон».

В. СТАТУС АДЖАРИИ В СООТВЕТСТВИИ С КОНСТИТУЦИЕЙ 1995 ГОДА (В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РЕДАКЦИИ)

108. 24 августа 1995 г., через четыре года после распада Союза Советских Социалистических Республик, Парламент Грузии принял новую Конституцию, пункт 3 статьи 2 которой гласит:

«Государственно-территориальное устройство Грузии будет определено конституционным законом на основе принципа разграничения полномочий после полного восстановления юрисдикции Грузии на всей территории страны».

109. 20 апреля 2000 г. в Конституцию Грузии конституционным законом были внесены изменения: название «Аджария» было заменено на «Аджарскую Автономную Республику», кроме того, в статью 3 был добавлен пункт 3 следующего содержания:

«Статус Аджарской Автономной Республики определяется конституционным законом о статусе Аджарской Автономной Республики».

10 октября 2002 г. Парламент Грузии принял конституционный закон, содержащий аналогичные поправки и дополнения в отношении Абхазии. Подобного законодательства в отношении Цхинвальского района (бывший «автономный округ Южная Осетия») принято не было.

110. Конституционный закон о статусе Аджарской Автономной Республики (см. статью 3 Конституции) еще не был принят.

С. ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ПОМИЛОВАНИЯ

1. Конституция Грузии

111. Подпункт 14 пункта 1 статьи 73 Конституции Грузии гласит:

«Президент Грузии:

... осуществляет помилование осужденных».

2. Указ Президента Грузии № 319 об осуществлении права помилования

112. Соответствующие положения статьи 1¹ Указа от 13 мая 1998 г. № 319 об осуществлении права помилования предусматривают следующее:

«Статья 1

В соответствии с подпунктом 14 пункта 1 статьи 73 Конституции Президент Грузии может предоставлять осужденным помилование. Для осуществления этого права Президент должен предварительно изучить ходатайство осужденного о помиловании, переданное через суды Грузии... петиции о помиловании, поданные членами парламента, частными лицами, группами лиц, организациями или государственными органами, и ходатайства об освобождении осужденных от обязанности возместить причиненный материальный ущерб, возложенной на него судами Грузии при вынесении решения в пользу государственного предприятия, учреждения или организации.

Помилование может быть предоставлено осужденному лицу, если оно признает свою вину и раскаивается.

Пункт 1 статьи 2

Ходатайства и петиции о помиловании прежде, чем попасть к Президенту, рассматриваются комиссией по помилованиям. Эта комиссия осуществляет предварительное изучение ходатайств и петиций о помиловании, направляемых Президенту, и дает соответствующие рекомендации. Рекомендации комиссии изучаются Президентом, который и принимает окончательное решение...

Статья 7

Если осужденный помилован Президентом, он имеет право:

- (a) на освобождение от основного или любого дополнительного наказания со снятием судимости или без такового;
- (b) на освобождение от части основного или любого дополнительного наказания, или, иными словами, на сокращение срока наказания;
- (c) на замену оставшейся части наказания на менее суровое наказание;
- (d) на освобождение, частично или полностью, от возложенной судом обязанности возместить материальный ущерб...

Статья 9

Помилованию не подлежат лица:

- (a) осужденные за совершение тяжкого преступления к лишению свободы на срок от пяти лет до отбытия ими не менее половины срока наказания;
- (b) впервые осужденные к лишению свободы на срок до пяти лет до отбытия ими не менее одной трети срока наказания...

(f) имеющие плохую характеристику по месту содержания, а также злостные нарушители правил внутреннего распорядка места содержания.

Ходатайства осужденных лиц, попадающие под действие настоящей статьи, не подлежат изучению комиссией по помилованиям, если только это не будет оправдано особыми обстоятельствами.

Статья 10

До рассмотрения ходатайства о помиловании комиссией по помилованиям оно направляется вместе с документами, подготовленными соответствующим пенитенциарным учреждением, в Верховный суд Грузии, Генеральную прокуратуру и Министерство внутренних дел, которые дают свое заключение.

До рассмотрения ходатайства об освобождении от обязанности возместить материальный ущерб комиссией по помилованиям оно направляется вместе с документами, подготовленными соответствующим пенитенциарным учреждением, в Верховный суд Грузии, территориальные органы управления и органы местного самоуправления, а также юридическому лицу, являющемуся гражданской стороной в процессе.

Заключения вышеупомянутых органов и замечания юридического лица в течение двух недель должны быть переданы в комиссию по помилованиям».

113. Указом Президента от 4 октября 2002 г. № 426 в Указ № 319 была внесена статья 10.1 следующего содержания:

«Президент Грузии имеет право осуществлять помилование осужденных в соответствии с подпунктом 14 пункта 1 статьи 73 Конституции Грузии, даже если не соблюдены дополнительные условия, изложенные в настоящем указе».

3. Положения соответствующих кодексов, относящиеся к настоящему делу

114. Статья 360 главы XIX Гражданского процессуального кодекса, устанавливавшая правила рассмотрения административно-процессуальных споров до 1 января 2000 г., когда вступил в силу Административно-процессуальный кодекс, гласила:

«Заявление подается в апелляционный суд, территориальная подсудность которого распространяется на район, в котором расположен орган, принявший оспариваемый акт».

115. Соответствующие положения Административно-процессуального кодекса гласят:

«Статья 6, пункт 1(a)

Апелляционные суды в качестве судов первой инстанции рассматривают заявления, касающиеся законности административных актов Президента Грузии...

Статья 29

Обжалование административного акта в судах приостанавливает исполнение этого акта».

¹ Так в тексте (примеч. редактора).

D. ПАРЛАМЕНТСКИЙ ДОКЛАД

116. Соответствующие положения Конституции Грузии гласят:

«Статья 56

1. В целях предварительной подготовки законодательных вопросов, содействия исполнению решений, а также контроля за деятельностью Правительства и иных подотчетных парламенту органов в парламенте на срок его полномочий создаются комитеты.

2. В случаях, предусмотренных Конституцией Грузии и Регламентом, а также по требованию не менее одной четвертой членов парламента в парламенте создаются следственный или иные временные комитеты. Представительство парламентского большинства во временном комитете не должно превышать половины от общего количества членов комитета...

Статья 42

1. Каждый человек имеет право обратиться в суд за защитой своих прав и свобод».

117. Статья 60 Административного кодекса (в редакции от 2 марта 2001 г.) гласит:

«1. Административное решение признается недействительным, если:

(а) оно принято органом или лицом, не имеющим права на его принятие;

(б) его исполнение может привести к совершению преступления;

(с) его исполнение невозможно по объективным причинам;

(d) оно противоречит законодательству или если имело место материальное нарушение норм законодательства, регулирующих его подготовку и принятие.

2. Материальным нарушением норм законодательства, регулирующих подготовку и принятие административных решений, признается любое правонарушение, результатом которого стало принятие решение, которое не было бы принято, если бы законодательство было соблюдено.

3. Административное решение признается недействительным либо самим органом, принявшим его, либо вышестоящим административным органом при внутреннем обжаловании, либо административным судом при поступлении заявления о пересмотре решения судом».

118. Статья 257 Уголовно-процессуального кодекса, действовавшего до 15 мая 1999 г., предусматривала следующее:

«Если во время рассмотрения дела суд выяснит обстоятельства, указывающие на то, что было совершено преступление лицом, которое не было за него осуждено, суд выносит постановление о возбуждении уголовного дела против этого лица и направляет его для исполнения органам следствия».

119. Соответствующие положения нового Уголовно-процессуального кодекса, вступившего в силу 15 мая 1999 г., гласят:

«Статья 539

Приговор или иное судебное решение является необоснованным, если:

(а) вынесен обвинительный приговор, который не основан на доказательствах по делу;

(б) имеются неразрешенные противоречия между доказательствами, которые ставят под сомнение действительность судебного решения;

(с) суд не принимал во внимание вещественные доказательства при вынесении решения;

(d) суд основывал свои выводы на доказательствах, которые были недопустимы или не относились к делу;

(е) суд отклонил одни доказательства и принял другие, когда между ними имеются противоречия, и суд не объяснил причины, по которым он отдал предпочтение этим доказательствам;

(f) суд не позволил подсудимому выдвигать свои сомнения...

Статья 593

1. Приговор может быть отменен частично или полностью ввиду вновь открывшихся фактических или правовых обстоятельств.

2. При открытии новых фактических обстоятельств судебное решение, незаконное или не содержащее причин принятия, подлежит пересмотру. Судебное решение подлежит пересмотру, в частности, если:

(а) приговором суда установлено, что показания свидетеля или эксперта или иных лиц, лежащие в основе оспариваемого судебного решения, были ложными;

(б) приговором суда установлено, что судья, прокурор, следователи или орган следствия допустили нарушение законодательства при расследовании или рассмотрении дела;

(с) открылись новые обстоятельства, которые могли доказать невиновность осужденного лица или виновность оправданного...

(d) открылись новые обстоятельства, свидетельствующие о том, что... доказательства, на которых было основано судебное решение, были недопустимыми».

E. ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА В ВЕРХОВНОМ СУДЕ ГРУЗИИ И ОПРАВДАНИЕ

120. Статья 9 Органического закона о Верховном суде Грузии от 12 мая 1999 г. устанавливает юрисдикцию различных коллегий Верховного суда, в том числе коллегии по уголовным делам:

«Коллегии... Верховного суда Грузии являются кассационными судами, которые... рассматривают жалобы по вопросам права на решения региональных апелляционных судов, Верховных судов

Абхазской и Аджарской Автономных Республик и секции Верховного суда Грузии по уголовным делам».

121. Соответствующие положения нового Уголовно-процессуального кодекса гласят:

«Статья 28(а)

Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению, если рассматриваемое действие или бездействие не является преступлением, предусмотренным Уголовным кодексом...

Статья 602

...2. Приговор должен быть подготовлен к исполнению не позднее чем через семь дней после вступления в силу...

Статья 604

1. Приговор или исполнительный лист посылается судом, принявшим соответствующее решение. Приказ об исполнении приговора и копия приговора посылается судьей или председателем суда в орган, ответственный за их исполнение...».

Ф. МЕСТО СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

122. Пункты 1 и 3 статьи 6 Закона о заключении от 22 июля 1999 г. гласят:

«Наказания в виде лишения свободы, назначенные приговором суда, отбываются в пенитенциарных учреждениях Министерства юстиции Грузии.

На территории Грузии к этим учреждениям относятся:

- (а) тюрьмы общего режима;
- (б) тюрьмы строгого режима;
- (с) тюрьмы-изоляторы».

ПРАВО

І. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ О НЕИСЧЕРПАНИИ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

1. Доводы сторон

123. Представитель властей Грузии призвал Европейский Суд признать жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу ввиду нарушения установленной в статье 35 Конвенции обязанности исчерпать внутригосударственные средства правовой защиты. Отметив, что установленный Конвенцией механизм защиты имеет вспомогательный характер по отношению к национальным системам защиты прав человека (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хэндсайда против Соединенного Королевства» (*Handyside v. United Kingdom*) от 7 декабря 1976 г.,

Series A, № 24, р. 22, § 48), представитель властей Грузии утверждал, что решение Европейского Суда о признании настоящей жалобы приемлемой для рассмотрения по существу нарушало принцип subsidiarity, закрепленный в международном праве. Он подчеркнул, что власти Грузии не предоставили Европейскому Суду доклад парламентского комитета от 26 сентября 2002 г. до того, как Европейский Суд рассмотрел вопрос о приемлемости жалоб заявителя. По его мнению, это помешало Европейскому Суду принять обоснованное решение по вопросу о приемлемости.

124. Представитель властей Грузии отметил, что комитет по расследованию Парламента Грузии установил ряд нарушений в ходе процесса, в результате которого заявитель был оправдан (см. выше § 82 и *et seq.*). Однако власти Грузии пока не имели возможности исправить ситуацию с учетом выводов следственного комитета с использованием средств, доступных в рамках внутригосударственной правовой системы (см. Решение Комиссии по правам человека по делу «Компания «Ретимаг СА» против Федеративной Республики Германия» (*Retimag SA v. Federal Republic of Germany*) от 16 декабря 1961 г., жалоба № 712/60, *Yearbook* 8, р. 29–42). Он утверждал: «Если национальный парламент решает рассмотреть довольно щепетильное внутригосударственное дело, чтобы проверить законность решений судебных органов, с разумной точки зрения дело не может считаться окончательно решенным в соответствующей стране».

Представитель властей Грузии представил подробное изложение доклада парламентского комитета и просил Европейский Суд не недооценивать его значение для рассматриваемого им дела. Он отметил, что парламентский комитет предложил возобновить процесс по делу заявителя ввиду установленных им нарушений и придерживался позиции о том, что предусмотренные законом средства правовой защиты не будут исчерпаны до тех пор, пока процесс не будет возобновлен (см. выше § 88). По его утверждению, данный вывод комитета подтверждал тот факт, что заявитель не выполнил обязанность исчерпать внутригосударственные средства правовой защиты по смыслу статьи 35 Конвенции, в результате чего его жалобы были неприемлемыми для рассмотрения по существу.

125. Заявитель возражал против этих доводов, утверждая, что доклад парламентского комитета не имел юридической силы в национальной правовой системе. Кроме того, он обратил внимание Европейского Суда на тот факт, что доклад был подписан только председателем комитета, хотя в соответствии с Регламентом парламента для того, чтобы документ вступил в силу, требовались подписи и остальных членов комитета. Заявитель указал также, что председатель комитета был членом парламента, избранным от политической партии Аслана Абашидзе, главы Аджарской Автономной Республики.

2. Мнение Европейского Суда

126. Несмотря на то, что власти Грузии представили возражения о неприемлемости жалобы с опозданием (правило 55 Регламента Европейского Суда), Европейский Суд считает, что он должен рассмотреть их ввиду особых обстоятельств дела.

127. Европейский Суд отмечает, что Комитет по расследованию Парламента Грузии получил от Бюро парламента инструкции изучить обстоятельства, при которых заявитель был помилован Президентом Грузии, хотя он об этом не просил. По собственной инициативе комитет изучил также второй этап уголовного процесса, в ходе которого заявитель был оправдан, и в своем докладе от 26 сентября 2002 г. комитет предложил возобновить дело, передав его органам следствия для дальнейшего расследования (см. выше §§ 72–88).

Европейский Суд повторяет, что принцип необходимости исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты обязывает заявителя использовать предварительно средства правовой защиты, достаточные и доступные в национальной правовой системе, а также позволяющие получить компенсацию за обжалованные нарушения. Существование средств правовой защиты должно быть определенным не только в теории, но и на практике, иначе они не будут доступными и эффективными. Необязательно прибегать к средствам правовой защиты, являющимся ненадлежащими или неэффективными (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Акдивар и другие против Турции» (*Akdivar and Others v. Turkey*) от 16 сентября 1996 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1996-IV, p. 1210, § 67, Постановление Европейского Суда по делу «Андронику и Константину против Кипра» (*Andronicou and Constantinou v. Cyprus*) от 9 октября 1997 г., *Reports* 1997-VI, p. 2094–2095, § 159).

Таким образом, чрезвычайные процессуальные средства правовой защиты, не отвечающие требованиям о «доступности» и «эффективности», не являются средствами правовой защиты, которые необходимо исчерпать в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, Решение Европейского Суда по делу «Киискинен против Финляндии» (*Kiiskinen v. Finland*), жалоба № 26323/95, *ECHR* 1999-V, и Решение Европейского Суда по делу «Моя Алварес против Испании» (*Moya Alvarez v. Spain*), жалоба № 44677/98, *ECHR* 1999-VIII).

128. Европейский Суд отмечает, что в правовой системе Грузии доклад парламентского комитета, касающийся судебного решения, не влечет отмены или пересмотра этого решения. Максимум органы следствия могут счесть необходимым инициировать уголовный процесс в отношении вопросов, доведенных до их внимания в этом докладе. В настоящем деле 25 марта 2003 г., после ходатай-

ства о возобновлении дела, поступившего от гражданской стороны, Генеральная прокуратура Грузии признала, что выводы парламентского комитета в докладе от 26 сентября 2002 г. не являлись новыми фактическими или правовыми обстоятельствами, оправдывавшими возобновление дела заявителя (см. выше § 89).

Поскольку после появления в свет доклада парламентского комитета процесс по делу заявителя, в ходе которого он был оправдан, не был возобновлен (см. выше § 47), власти Грузии не могли утверждать, что уголовное дело всё еще находится на рассмотрении во внутригосударственных судах или что жалоба заявителя в Европейский Суд была преждевременной.

При данных обстоятельствах Европейский Суд считает необходимым рассмотреть, был ли доклад надлежащим образом одобрен всеми членами парламентского комитета.

129. В любом случае Европейский Суд констатирует, что принцип верховенства права и понятие «справедливое судебное разбирательство», предусмотренное статьей 6 Конвенции, исключают любое вмешательство в осуществление правосудия со стороны законодательных органов с целью повлиять на позицию суда по конкретному спору (см. Постановление Европейского Суда по делу «Греческие нефтеперерабатывающие заводы “Стран” и Стратис Андреадис против Греции» (*Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece*) от 9 декабря 1994 г., *Series A*, № 301-B, p. 82, § 49). Следовательно, Европейский Суд был бы весьма обеспокоен, если бы Договаривающаяся Сторона в своем законодательстве или в правоприменительной деятельности позволяла бы внесудебному органу, независимо от степени его легитимности, вмешиваться в судебное разбирательство или ставить под сомнение выводы судов (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Купер против Соединенного Королевства» (*Cooper v. United Kingdom*) от 16 декабря 2003 г., жалоба № 48843/99, § 130).

130. Оправдательный приговор заявителя был окончательным. Соответственно, не нарушая положения пункта 2 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, принцип правовой определенности, один из фундаментальных аспектов верховенства права, исключает любые попытки внесудебного органа поставить под сомнение судебное решение или воспрепятствовать его исполнению (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брумэреску против Румынии» (*Brumărescu v. Romania*), жалоба № 28342/95, §§ 61 и 62, *ECHR* 1999-VII, Постановление Европейского Суда по делу «Рябух против Российской Федерации» (*Ryabukh v. Russia*) от 24 июля 2003 г., жалоба № 52854/99¹, §§ 51 и 52).

¹ См.: Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2002 год (примеч. редактора).

131. На основании вышеизложенного Европейский Суд отклоняет возражение властей Грузии о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты.

II. ЮРИСДИКЦИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАСТЕЙ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 1 КОНВЕНЦИИ

132. Статья 1 Конвенции гласит:

«Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции».

1. Доводы властей Грузии

133. Власти Грузии согласились с тем, что Аджарская Автономная Республика является неотъемлемой частью Грузии и что предмет жалобы относится к юрисдикции властей Грузии. Однако они не упомянули о трудностях, с которыми столкнулись центральные власти при осуществлении своей юрисдикции на территории Аджарской Автономной Республики.

134. Прежде всего представитель властей Грузии обратил внимание Европейского Суда на тот факт, что центральное Правительство Грузии не сообщило властям Аджарской Автономной Республики о ходе рассмотрения настоящей жалобы в Европейском Суде. Таким образом, будучи непосредственно связанными с настоящим делом, власти Аджарской Автономной Республики не имели возможности объяснить Европейскому Суду, почему заявитель оставался под стражей.

Отметив, что Аджарская Автономная Республика была обязана соблюдать законодательство Грузии, представитель властей Грузии подчеркнул, что Верховный суд Грузии имел право отменять решения Верховного суда Аджарской Автономной Республики при их обжаловании по вопросам права. Он отметил, что законодательство Грузии применялось в Аджарской Автономной Республике надлежащим образом и что, не считая настоящего дела, имеющего политический подтекст, между центральными властями и властями Аджарской Автономной Республики не было проблем в области сотрудничества в судебной сфере.

Представитель властей Грузии добавил, что в отличие от других двух автономных образований (Автономной Республики Абхазия и Цхинвальской области) власти Аджарской Автономной Республики никогда не проявляли сепаратистских настроений, и любое предположение о том, что они могли отказаться от сотрудничества с центральными судебными органами, было необоснованным. Он отметил также, что Аджарская Автономная Республика не являлась источником конфликтов

между различными государствами, и центральные государственные органы осуществляли свою юрисдикцию на ее территории в полном объеме.

2. Доводы заявителя

135. Как и власти Грузии, заявитель констатировал, что, несомненно, Аджарская Автономная Республика являлась частью Грузии как по международному праву, так и в соответствии с законодательством этого государства. Он отметил, что Аджарская Автономная Республика не была сепаратистским регионом и что власти Грузии осуществляли на ее территории свою юрисдикцию и выступали ответчиками в международных судах по делам, возникающим во всех частях Грузии, в том числе в Аджарской Автономной Республики. Заявитель добавил, что центральные власти не сталкивались с трудностями при осуществлении своей юрисдикции в Аджарской Автономной Республике. По мнению заявителя, Верховный суд Грузии, как правило, успешно осуществлял надзор за деятельностью судов Аджарской Автономной Республики, и настоящее дело является единственным исключением из этого правила.

136. Заявитель утверждал следующее: то, что Верховный суд Грузии не смог обеспечить исполнение его оправдательного приговора, было виной властей Аджарской Автономной Республики, как, впрочем, и центральных властей, действия которых не были достаточно эффективными, и Президента Грузии, который не выполнил свою функцию гаранта государства. По словам заявителя, его жалоба касалась не вопросов юрисдикции или ответственности, а исключительно неспособности государства всеми доступными средствами обеспечить исполнение судебного решения.

3. Мнение Европейского Суда

(a) Вопрос о «юрисдикции»

137. Статья 1 Конвенции обязывает Договаривающиеся Стороны «обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I Конвенции». Из данной нормы следует, что Договаривающиеся Стороны должны отвечать за любые нарушения охраняемых прав и свобод каждого лица, находящегося под их «юрисдикцией» (компетенцией) во время совершения нарушения.

В исключительных случаях юрисдикция предполагается на основании нетерриториальных факторов, таких как акты государственных органов, осуществленные за границей дипломатическими представителями или консулами этого государства; уголовная деятельность частных лиц за границей, направленная против интересов данного государства или его граждан, действия, совершен-

ные на борту судов, летающих под флагом этого государства, или воздушном судне и космическом корабле, зарегистрированном в данном государстве, тяжкие международные преступления (универсальная юрисдикция).

Однако, как правило, понятие «юрисдикция» по смыслу статьи 1 Конвенции должно рассматриваться с точки зрения публичного международного права (см. Постановление Европейского Суда по делу «Жантийом и другие против Франции» (*Gentilhomme and Others v. France*) от 14 мая 2002 г., жалобы №№ 48205/99, 48207/99 и 48209/99, § 20, Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Банкович и другие против Бельгии и 16 других Договаривающихся Государств» (*Banković and Others v. Belgium and 16 Other Contracting States*), жалоба № 52207/99, §§ 59–61, *ECHR* 2001-XII). Это понятие имеет «преимущественно» или «главным образом» территориальный характер (см. *ibid.*).

138. Помимо территории государства его территориальная юрисдикция распространяется на территории, которые в момент совершения нарушения находятся под «полным контролем» данного государства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Лоизиду против Турции» (предварительные возражения) (*Loizidou v. Turkey*) от 23 марта 1995 г., Series A, № 310), особенно оккупированные территории (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции» (*Cyprus v. Turkey*), жалоба № 25781/94, *ECHR* 2001-IV), за исключением территорий, не находящихся под полным контролем (см. упомянутое выше Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Банкович и другие против Бельгии и 16 других Договаривающихся Государств» (*Banković and Others v. Belgium and 16 Other Contracting States*)).

139. Аджарская Автономная Республика, несомненно, является неотъемлемой частью территории Грузии, и на нее распространяется компетенция властей Грузии, которые контролируют ее. Иными словами, существует презумпция компетенции. Европейский Суд должен установить, имеются ли достоверные доказательства, опровергающие эту презумпцию.

140. В этой связи Европейский Суд прежде всего отмечает, что Грузия ратифицировала Конвенцию в отношении всей своей территории. Кроме того, стороны согласились с тем, что в Аджарской Автономной Республике не было сепаратистских настроений и что никакое другое государство не осуществляло эффективно полный контроль на ее территории (см., например, Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илашку, Лешко, Иванцок и Петров-Попа против Республики Молдова и Российской Федерации» (*Ilascu, Lesco, Ivantoc and Petrov-Popa v. Moldova and the Russian Federation*) от 4 июля 2001 г., жалоба № 48787/99, а также упомяну-

тое выше Постановление Европейского Суда по делу «Лоизиду против Турции» (*Loizidou v. Turkey*) (предварительные возражения)). При ратификации Конвенции Грузия не сделала в соответствии со статьей 57 Конвенции специальных оговорок относительно Аджарской Автономной Республики или трудностей при осуществлении своей юрисдикции на ее территории. Впрочем, в любом случае подобная оговорка была бы недействительной, так как в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда территориальные исключения запрещены (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мэтьюс против Соединенного Королевства» (*Matthews v. United Kingdom*), жалоба № 24833/94, *ECHR* 1999-I, § 29) в ситуациях, не попадающих под действие пункта 1 статьи 56 Конвенции (зависимые территории).

141. В отличие от Американской конвенции по правам человека от 22 ноября 1969 г. (статья 28), в Конвенции не содержится «федеральной оговорки», ограничивающей обязательства федеративного государства за нарушения, совершенные на территории субъектов федерации. Кроме того, поскольку Грузия не является федеративным государством, Аджарская Автономная Республика не является субъектом федерации. Она является образованием, которое, как и другие (Автономная Республика Абхазия и до 1991 года Автономный округ Южная Осетия), должно иметь автономный статус (см. выше §§ 108–110), а это совсем другой случай. Кроме того, даже если бы федеральная оговорка, схожая по содержанию с оговоркой в статье 28 Американской конвенции по правам человека, существовала бы в Конвенции (что практически невозможно), она не могла бы толковаться как освобождающая федеративное государство от любой ответственности, поскольку она обязывает федеративное государство «незамедлительно принять все необходимые меры в соответствии со своей Конституцией... чтобы [субъекты федерации] могли принять соответствующие положения для реализации Конвенции».

142. Таким образом, презумпция, указанная выше в § 139, является правильной. Действительно, по соображениям правовой политики – необходимости поддерживать равенство между Договаривающимися Сторонами и обеспечивать эффективность Конвенции – иначе и быть не может. Без этой презумпции применение Конвенции могло бы выборочно ограничиваться только частями территории некоторых Договаривающихся Сторон, делая тем самым понятие эффективной защиты прав человека, являющееся фундаментом всей Конвенции, бессмысленным и в то же время способствуя дискриминации между Договаривающимися Сторонами, которые согласились с применением Конвенции на всей их территории, и Договаривающимися Сторонами, которые этого не сделали.

143. Таким образом, Европейский Суд признает, что фактические обстоятельства, на которых основывалась жалоба на нарушения, находились под «юрисдикцией» властей Грузии (см. Решение Комиссии по правам человека по делу «Бертран Рассел Пис Фаундэйшн Лтд против Соединенного Королевства» (*Bertrand Russell Peace Foundation Ltd v. United Kingdom*) от 2 мая 1978 г., *Decisions and Reports (DR)* 14, р. 117 и 124) по смыслу статьи 1 Конвенции.

(b) Вопросы, касающиеся вменяемости и ответственности

144. Настоящая жалоба отличается от остальных дел, которые Европейский Суд рассматривал на предмет соблюдения статьи 1 Конвенции. В этих делах понятия вменяемости и ответственности рассматривались в их единстве: государство могло быть привлечено к ответственности на основании Конвенции, только если предполагаемое нарушение могло быть вменено ему в вину (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Лоизиду против Турции» (*Loizidou v. Turkey*) (предварительные возражения), р. 20–22, §§ 52–56, а также упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции» (*Cyprus v. Turkey*), р. 260–262, §§ 75–81).

В вышеуказанных делах Европейский Суд признал, в частности, что, если нарушение Конвенции совершено на территории Договаривающегося Государства и эффективный контроль на этой территории осуществляет другое государство, то это Договаривающееся Государство не может быть привлечено к ответственности (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Лоизиду против Турции» (*Loizidou v. Turkey*) (предварительные возражения), р. 23–24, § 62). В настоящем деле сложилась иная ситуация: кроме Грузии, никакое другое государство не осуществляло контроль и, следовательно, свою юрисдикцию на территории Аджарской Автономной Республики, и стороны были согласны с этим предположением (см. выше §§ 132–136). Настоящая жалоба отличается также от жалобы по делу Банковича, которое отличается от двух предыдущих дел тем, что государства-ответчики, Договаривающиеся Государства по Конвенции и государства – члены НАТО, не осуществляли «полный контроль» на соответствующей территории. Кроме того, государство, которое в действительности его осуществляло, Федеративная Республика Югославия, не являлась участником Конвенции.

145. В настоящем деле заявителем является лицо, которое, хотя и было оправдано Верховным судом Грузии (см. выше § 47), тем не менее, по-прежнему содержится под стражей властями Аджарской Автономной Республики (см. выше § 59). Утверждая, что виной его продолжающегося

содержания под стражей являлся произвол со стороны местных властей, заявитель жаловался также, что меры, принятые центральными властями для обеспечения его освобождения, были неэффективными.

Как свидетельствуют материалы дела, центральные органы власти приняли все возможные по национальному праву процессуальные меры, чтобы обеспечить выполнение оправдательного приговора заявителя. Они пытались разрешить спор различными политическими средствами и неоднократно убеждали власти Аджарской Автономной Республики освободить заявителя. Однако все их просьбы остались без ответа (см. выше §§ 60–69).

Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что во внутригосударственной системе нарушения, обжалованные заявителем, могли быть непосредственно вменены местным властям Аджарской Автономной Республики.

146. Вместе с тем следует напомнить, что для целей Конвенции значение имеет лишь вопрос о международной ответственности государства независимо от того, каким национальным органам могли быть вменены нарушения Конвенции во внутригосударственной системе (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Фоти и другие против Италии» (*Foti and Others v. Italy*) от 10 декабря 1982 г., Series A, № 56, р. 21, § 63, Постановление Европейского Суда по делу «Циммерманн и Штайнер против Швейцарии» (*Zimmermann and Steiner v. Switzerland*) от 13 июля 1983 г., Series A, № 66, р. 13, § 32, Постановление Европейского Суда по делу «Лингенс против Австрии» (*Lingens v. Austria*) от 8 июля 1986 г., Series A, № 103, р. 28, § 46).

Хотя неудивительно то, что государства сталкиваются с проблемами при обеспечении прав, гарантированных Конвенцией, на всей территории, каждое Договаривающееся Государство, тем не менее, несет ответственность за любые нарушения, совершенные в любом районе на ее территории.

Кроме того, Конвенция не просто обязывает вышестоящие органы Договаривающихся Государств соблюдать охраняемые ею права и свободы, но и влечет то, что для обеспечения пользования этими правами и свободами эти органы должны предупреждать и исправлять любое нарушение, совершенное на нижестоящих уровнях (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*) от 18 января 1978 г., Series A, № 25, р. 90–91, § 239). Вышестоящие государственные органы обязаны требовать соблюдения Конвенции от нижестоящих органов и не могут прикрываться своей неспособностью обеспечить ее соблюдение (см. *ibid.*, р. 64, § 159).

147. Несмотря на плохое функционирование различных частей государственного механизма

в Грузии и существование территорий с особым статусом, Аджарская Автономная Республика в соответствии с законодательством находится под контролем властей Грузии. Отношения между властями Аджарской Автономной Республики и центральным правительством таковы, что только слабость последнего могла сделать возможным продолжительное нарушение положений Конвенции на местном уровне. В соответствии с общей обязанностью, возложенной на государство статьей 1 Конвенции, оно должно создать национальную систему, способную обеспечить соблюдение положений Конвенции на территории всей страны в отношении каждого лица. Это подтверждается тем фактом, что, во-первых, статья 1 Конвенции не исключает из сферы применения Конвенции каких-либо частей «юрисдикции» государств-членов и, во-вторых, государства-члены призваны демонстрировать соблюдение Конвенции относительно их «юрисдикции» в целом, что часто осуществляется, прежде всего, через Конституцию (см. Постановление Европейского Суда по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции» (*United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey*) от 30 января 1998 г., *Reports* 1998-I, p. 17–18, § 29).

148. Органы власти территориального образования в государстве являются учреждениями публичного права, которые осуществляют функции, возложенные на них Конституцией и законодательством. В этой связи Европейский Суд напомнил, что в международном праве выражение «правительственная организация» охватывает не только правительство и центральные государственные органы. Если государственный механизм децентрализован, данное понятие относится к любому национальному органу, осуществляющему государственные функции. Следовательно, эти органы не имеют права обращаться в Европейский Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции (см. Решение Европейского Суда по делу «Секция коммуны Антили против Франции» (*Section de commune d'Antilly v. France*), жалоба № 45129/98, *ECHR* 1999-VIII, Решение Европейского Суда по делу «Аюнтамьенто де Мула против Испании» (*Ayuntamiento de Mula v. Spain*), жалоба № 55346/00, *ECHR* 2001-I).

Эти принципы свидетельствуют о том, что в настоящем деле региональные органы власти Аджарской Автономной Республики не могут быть признаны неправительственной организацией или группой частных лиц, объединенных общим интересом, по смыслу статьи 34 Конвенции. Соответственно, они не имеют права обращаться в суд или подавать жалобу против центральных властей Грузии.

149. Таким образом, Европейский Суд подчеркивает, что вышестоящие органы Грузии несут в соответствии с Конвенцией ответственность за

поведение подчиненных органов (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*), p. 64, § 159). В Европейском Суде подлежит рассмотрению лишь вопрос об ответственности самих властей Грузии, а не их национальных властей или органов. В задачу Европейского Суда не входит рассмотрение дел всего множества национальных органов или судов или споров между учреждениями либо внутренней политики.

150. Следовательно, Европейский Суд признает, что фактические обстоятельства, на которых основывалась жалоба на нарушения, находились в «юрисдикции» властей Грузии по смыслу статьи 1 Конвенции и что даже несмотря на то, что в рамках национальной системы эти вопросы могли быть вменены в вину непосредственно местным властям Аджарской Автономной Республики, на основании Конвенции к ответственности могут быть привлечены только власти Грузии.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

151. Заявитель жаловался на то, что он стал жертвой нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции после помилования, предоставленного ему Президентом Грузии 1 октября 1999 г., и утверждал, что его содержание под стражей после оправдания 29 января 2001 г. было произволом.

Соответствующие положения пункта 1 статьи 5 Конвенции гласят:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом...

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...».

A. ПЕРИОД СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ ПОСЛЕ ПОМИЛОВАНИЯ, ПРЕДОСТАВЛЕННОГО ПРЕЗИДЕНТОМ ГРУЗИИ 1 ОКТЯБРЯ 1999 г.

1. Доводы властей Грузии

152. В замечаниях, поданных после вынесения Европейским Судом решения о приемлемости жалобы (см. выше §§ 4 и 9), власти Грузии отметили, что президентское помилование было обжаловано в административных судах, и его исполнение было приостановлено в соответствии

со статьей 29 Административно-процессуального кодекса Грузии. Производство в административных судах завершилось 11 июля 2000 г., когда Верховный суд Грузии в последней инстанции отклонил апелляцию по вопросам права, в которой компания «Батумская табачная фабрика» утверждала, что указ Президента Грузии о помиловании был незаконным. Это решение было окончательным решением судов властей государства-ответчика по смыслу пункта 1 статьи 35 Конвенции, и жалоба заявителя о том, что он незаконно содержался под стражей в период с 1 октября по 11 декабря 1999 г., была подана с нарушением установленного срока.

153. По существу жалобы власти Грузии утверждали, что содержание заявителя под стражей в период с 1 октября по 11 декабря 1999 г. полностью соответствовало требованиям подпункта «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Будучи 28 ноября 1994 г. осужденным к восьми годам лишения свободы Верховным судом Аджарской Автономной Республики, заявитель был помилован Президентом Грузии 1 октября 1999 г. (см. выше §§ 21 и 22). Данный указ Президента Грузии сразу же был обжалован компанией «Батумская табачная фабрика» в Верховном суде Аджарской Автономной Республики (см. выше § 24). В результате обжалования исполнение указа Президента Грузии было приостановлено в соответствии со статьей 29 Административно-процессуального кодекса (см. выше § 115), и заявитель продолжал отбывать лишение свободы на основании приговора от 28 ноября 1994 г. Поскольку производство в административных судах закончилось только с принятием в последней инстанции Верховным судом Грузии от 11 июля 2000 г. решения об отклонении апелляционной жалобы по вопросам права, поданной компаний «Батумская табачная фабрика» (см. выше § 29), основанием для содержания заявителя под стражей в период с 1 октября по 11 декабря 1999 г. служил приговор от 28 ноября 1994 г., поэтому его заключение соответствовало как внутрисударственному законодательству, так и требованиям подпункта «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

154. Консультант властей Грузии утверждал, что, по его мнению, заявитель был помилован чисто из политических соображений. Он согласился с Представителем Грузии при Европейском Суде с тем, что основанием заключения заявителя в этот период был приговор Верховного суда Аджарской Автономной Республики от 28 ноября 1994 г.

2. Доводы заявителя

155. Прежде всего заявитель указывал, что его содержание под стражей в период с 1 октября 1999 г. до настоящего времени составляло один общий отрезок времени и что его незаконно удерживали под стражей в течение всего названного периода. В этой связи он подчеркивал, что в его статусе со времени первого этапа уголовного преследования, после предъявления ему новых обвинений и до сих пор, не произошло видимых изменений: он всё время содержался под стражей, так как получение помилования служило всё тем же политическим целям властей Аджарской Автономной Республики. Исходя из этого заявитель просил Европейский Суд рассматривать период его заключения с 1 октября 1999 г. до настоящего времени как единый отрезок времени.

156. Он добавил, что в период с 1 октября по 11 декабря 1999 г. не существовало каких-либо оснований и не было вынесено законных постановлений, оправдывавших продолжение его содержания под стражей. Он указал, что в отличие от него двое других осужденных, помилованных Президентом Грузии тем же указом (см. выше § 22), были незамедлительно освобождены.

157. Как в своих замечаниях, поданных в Европейский Суд после вынесения решения о приемлемости жалобы, так и на слушании, состоявшемся 19 ноября 2003 г., заявитель в первый раз жаловался на уголовное преследование в декабре 1999 года и последовавшее за ним заключение во время второго уголовного процесса. Он утверждал, в частности, что не было «разумных оснований для подозрений» в его причастности к деятельности уголовной банды, возглавляемой Давидом Асанидзе. Тот факт, что он был оправдан 29 января 2001 г., доказывал, что обвинения на втором этапе уголовного процесса были полностью сфабрикованы, и его содержание под стражей в этот период также нарушало требования пункта 1 статьи 5 Конвенции.

3. Мнение Европейского Суда

158. Европейский Суд отмечает, что в соответствии с законодательством Грузии решение Президента Грузии по существу вопроса является административным актом, подведомственным административным судам (статья 60 Административного кодекса и пункт 1 статьи 6 Административно-процессуального кодекса, см. выше §§ 115 и 117). В связи с тем, что Указ о помиловании, принятый 1 октября 1999 г., был сразу же обжалован в судах компанией «Батумская табачная фабрика», его исполнение было приостановлено в соответствии со статьей 29 Административно-процессуального кодекса, и он мог быть исполнен только начиная с 11 июля 2000 г., когда Верховный суд Грузии отклонил в последней инстанции апелляцию этой компании (см. выше § 29). Тем временем, 11 декабря 1999 г., заявителю были предъявлены новые обвинения, начался новый уголовный процесс, и он уже не мог обеспечить свое освобождение (см. выше §§ 27, 34 и 35).

159. В отличие от заявителя Европейский Суд считает, что период содержания под стражей после 1 октября 1999 г., когда заявитель был помилован, нельзя рассматривать как единое целое вместе с периодом заключения после 29 января 2001 г., когда он был оправдан (см. выше § 47). Хотя между этими периодами не было перерыва (так как заявитель не был освобожден), им предшествовали отдельные периоды содержания под стражей, назначенные заявителю в ходе двух отдельных процессов и по различным законным основаниям.

Таким образом, Европейский Суд должен определить пределы рассмотрения каждого из этих периодов (с 1 октября по 11 ноября 1999 г. и с 29 января 2001 г. до настоящего времени) в свете правил приемлемости и, в частности, правила, в соответствии с которым жалобы должны быть поданы в Европейский Суд «в течение шести месяцев с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу», то есть решения, завершающего процесс «исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты» по смыслу статьи 35 Конвенции (см. Решение Европейского Суда по делу «Кадикис против Латвии (№ 2)» (*Kadikis v. Latvia*) (№ 2) от 25 сентября 2003 г, жалоба № 62393/00).

160. 12 ноября 2002 г. Палата Европейского Суда, в производство которой изначально было передано настоящее дело, в полном объеме признала жалобу заявителя на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу.

Однако на основании пункта 4 статьи 35 Конвенции Европейский Суд может признать жалобу неприемлемой «на любой стадии разбирательства», и шестимесячный срок является обязательным правилом, которое Европейский Суд может применить по своей инициативе (см. среди прочих примеров упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Кадикис против Латвии (№ 2)» (*Kadikis v. Latvia*) (№ 2)). Принимая во внимание доводы властей Грузии и особые обстоятельства дела, Европейский Суд считает, что в настоящем деле необходимо учитывать это правило при рассмотрении различных периодов содержания заявителя под стражей.

161. Что касается первого периода (с 1 октября по 11 декабря 1999 г.), Европейский Суд полагает, что отсутствует необходимость решать, начался ли шестимесячный период с 1 октября 1999 г., когда заявитель был помилован, или, как утверждали власти Грузии, с 11 июля 2000 г., когда Верховный суд Грузии отклонил апелляцию компании «Батумская табачная фабрика» в последней инстанции (см. выше § 152). Какой бы срок не был принят за начало отсчета, Европейский Суд отмечает в отношении первого периода содержания под стражей, что жалоба на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции была подана по истечении шестимесячного сро-

ка, поскольку заявитель обратился в Европейский Суд лишь 2 июля 2001 г. Следовательно, эта часть жалобы должна быть признана неприемлемой для рассмотрения по существу как поданная с нарушением срока.

162. Что касается жалобы на уголовное преследование заявителя в период с 11 декабря 1999 г. и на его заключение с даты предъявления ему обвинения до вынесения оправдательного приговора, Европейский Суд отмечает, что впервые эта жалоба была представлена ему 23 сентября и 19 ноября 2003 г. (см. выше § 157). Следовательно, она не анализировалась в решении о приемлемости жалобы от 12 ноября 2002 г., которое определило пределы рассмотрения жалобы Европейским Судом (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Пелтье против Франции» (*Peltier v. France*) от 21 мая 2002 г., жалоба № 32872/96, § 20, Постановление Европейского Суда по делу «Кракси против Италии (№ 1)» (*Craxi v. Italy*) (№ 1) от 5 декабря 2002 г., жалоба № 34896/97, § 55, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёч против Турции» (*Göç v. Turkey*), жалоба № 36590/97, § 36, *ECCHR* 2002-V). Следовательно, данная жалоба находится вне предмета рассмотрения в деле, направленном в Большую Палату Европейского Суда.

163. Следовательно, Европейский Суд рассматривает лишь жалобы заявителя, касающиеся периода его содержания под стражей после 29 января 2001 г.

В. ПЕРИОД СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ С 29 ЯНВАРЯ 2001 г. ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

1. Доводы властей Грузии

164. Несмотря на ходатайства Европейского Суда, власти Грузии ни на одной из стадий судебного разбирательства не представили правовых замечаний относительно заключения заявителя после его оправдания 29 января 2001 г. В описании исключительно фактических обстоятельств, представленных 18 апреля 2002 г., власти Грузии сообщили, что они были вынуждены ограничиться обстоятельствами настоящего дела (см. выше § 4).

В дальнейшем власти Грузии отказались отвечать на вопросы по существу данной жалобы. Однако их Представитель при Европейском Суде сообщил, что продолжение содержания заявителя под стражей, несмотря на его оправдание 29 января 2001 г., было абсолютно законным, так как отсутствовали правовые основания для его оправдания. Утверждая это, он ссылаясь преимущественно на выводы, содержащиеся в докладе парламентского комитета от 26 сентября 2002 г. Он утверждал, что, поскольку приговор от 29 января 2001 г. был недействительным, основанием содержания заяви-

теля под стражей с этого момента был приговор от 2 октября 2000 г. (см. выше § 44), так как это было единственное оставшееся в силе судебное решение. Следовательно, содержание заявителя под стражей не противоречило и полностью соответствовало подпункту «а» пункту 1 статьи 5 Конвенции. Он добавил, что, даже если бы это было не так, содержание заявителя под стражей в любом случае было оправдано в соответствии с подпунктом «с» пунктом 1 статьи 5 Конвенции его опасными связями с мафией и террористическими группами.

Консультант властей Грузии утверждал также, что выводы, содержащиеся в докладе парламентского комитета, являлись новыми обстоятельствами, на основании которых мог быть возобновлен процесс по делу заявителя.

165. Что касается значения места содержания заявителя под стражей для решения вопроса о законности его заключения в соответствии с Конвенцией, власти Грузии сослались на Постановление Европейского Суда по делу «Биззотто против Греции» (*Bizzotto v. Greece*) от 15 ноября 1996 г., *Reports* 1996-V, и отмечали, что, даже если бы было нарушено внутрисударственное законодательство, место содержания под стражей само по себе не делало заключение противоречащим пункту 1 статьи 5 Конвенции.

2. Доводы заявителя

166. Заявитель жаловался на то, что его содержали под стражей, несмотря на то, что он был оправдан в 2001 году, называя это заключение произволом. По его мнению, его содержали под стражей, поскольку это было выгодно властям Аджарской Автономной Республики, которые хотели удалить его с арены в качестве политической мести.

167. Как в своих замечаниях, поданных в Европейский Суд 23 сентября 2003 г., так и на слушании, состоявшемся 19 ноября 2003 г., заявитель жаловался в первый раз на то, что его место содержания под стражей (камера тюремного типа в следственном изоляторе Министерства безопасности Аджарской Автономной Республики площадью около 6 кв. м) было незаконным в соответствии с законодательством Грузии. С момента задержания в 1993 году и до настоящего времени заявитель содержится в полной изоляции в этой тесной камере.

Заявитель подчеркнул, что согласно законодательству Грузии такие камеры предназначены для временного содержания заключенных до окончания предварительного расследования, и даже без президентского помилования и его оправдания он должен был быть переведен в тюрьму строгого режима сразу после осуждения его 28 ноября 1994 г. и 2 октября 2000 г. Заявитель утверждал, что данный аспект его содержания под стражей являлся нарушением его прав, гарантированных пунктом 1 статьи 5 Конвенции.

168. В своих замечаниях от 23 сентября и устных замечаниях от 19 ноября 2003 г. заявитель также впервые просил Европейский Суд рассмотреть вопрос о месте его содержания под стражей на предмет соответствия статье 3 Конвенции и признать, что он подвергся унижающему достоинство обращению.

3. Мнение Европейского Суда

(а) Было ли заключение законным

169. Европейский Суд прежде всего отмечает, что статья 5 Конвенции гарантирует фундаментальное право на свободу и безопасность. Это право имеет первоочередное значение в «демократических обществах» по смыслу Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (*De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*) от 18 июня 1971 г., *Series A*, № 12, п. 36, § 65, Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (*Winterwerp v. Netherlands*) от 24 октября 1979 г., *Series A*, № 33, п. 16, § 37).

170. Все лица имеют право на защиту этого права, то есть они не могут быть лишены или продолжать быть лишенными своей свободы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Уикс против Соединенного Королевства» (*Weeks v. United Kingdom*) от 2 марта 1987 г., *Series A*, № 114, п. 22, § 40), за исключением наличия условий, перечисленных в пункте 1 статьи 5 Конвенции. Перечень исключений, изложенных в пункте 1 статьи 5 Конвенции, является исчерпывающим (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, § 170, *ECHR* 2000-IV, и Постановление Европейского Суда по делу «Кинн против Франции» (*Quinn v. France*) от 22 марта 1995 г., *Series A*, № 311, п. 17, § 42), и только узкое толкование этих исключений соответствует цели данного положения, заключающейся в обеспечении защиты от произвольного лишения свободы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (*Engel and Others v. Netherlands*) от 8 июня 1976 г., *Series A*, № 22, п. 25, § 58, Постановление Европейского Суда по делу «Амюр против Франции» (*Amuur v. France*) от 25 июня 1996 г., *Reports* 1996-III, п. 848, § 42).

171. Вместе с тем одного лишь того факта, что лишение свободы попадает в категорию разрешенных в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, недостаточно. Задержанное или заключенное лицо должно пользоваться различными гарантиями, предусмотренными пунктами 2 и 5 статьи 5 Конвенции, в пределах, в которых они применимы (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Уикс

против Соединенного Королевства» (*Weeks v. United Kingdom*), р. 22, § 40).

Таким образом, положения статьи 5 Конвенции содержат требование о том, что заключение «должно соответствовать установленной законом процедуре», а любое решение, принятое национальными судами в сфере действия статьи 5 Конвенции, должно отвечать процессуальным и материальным требованиям, установленным ранее действовавшим законодательством (см. Решение Комиссии по правам человека по делу «Эджи против Соединенного Королевства» (*Agee v. United Kingdom*) от 17 декабря 1976 г., DR7, р. 165). В данном случае Конвенция отсылает главным образом к законодательству государств-участников, но она требует также, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5 Конвенции, заключающейся в защите частных лиц от произвола (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кинн против Франции» (*Quinn v. France*), р. 18–19, § 47, Постановление Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. United Kingdom*) от 15 ноября 1996 г., *Reports* 1996-V, р. 1864, § 118). Хотя толкование и применение национального права относятся прежде всего к функции внутригосударственных органов, особенно судов, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции несоблюдение национального законодательства влечет нарушение Конвенции, и Европейский Суд может и должен выяснить, было ли оно соблюдено (см. Постановление Европейского Суда по делу «Скотт против Испании» (*Scott v. Spain*) от 18 декабря 1996 г., р. 2396, *Reports* 1996-VI, § 57, Постановление Европейского Суда по делу «Бенхэм против Соединенного Королевства» (*Benham v. United Kingdom*) от 10 июня 1996 г., *Reports* 1996-III, р. 753, § 41, и Постановление Европейского Суда по делу «Джулия Манцони против Италии» (*Giulia Manzoni v. Italy*) от 1 июля 1997 г., *Reports* 1997-IV, р. 1190, § 21).

172. В настоящем деле заявитель удерживался под стражей властями Аджарской Автономной Республики в целях, упомянутых в подпункте «с» пункте 1 статьи 5 Конвенции, начиная с 11 декабря 1999 г., когда ему были предъявлены новые обвинения (см. выше § 34). Однако законное содержание под стражей закончилось с его оправданием Верховным судом Грузии 29 января 2001 г., который в то же время предписал немедленно освободить заявителя (см. выше §§ 47 и 56). С тех пор, несмотря на то, что дело заявителя не было возобновлено и не было принято каких-либо решений о дальнейшем содержании заявителя под стражей, он оставался в заключении. Таким образом, не существовало ни законодательных, ни судебных оснований для лишения заявителя свободы после 29 января 2001 г. Следовательно, оно не могло быть обоснованным в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции.

173. Что касается соответствия содержания заявителя под стражей предусмотренной статьей 5 Конвенции цели защиты от произвола, Европейский Суд считает непостижимым тот факт, что в правовом государстве лицо должно и дальше отбывать наказание в виде лишения свободы, несмотря на постановление суда о его освобождении.

174. Как доказывают документы, содержащиеся в материалах дела, центральные органы власти неоднократно подчеркивали, что отсутствовали основания для содержания заявителя под стражей. Центральные судебные и административные органы прямо указывали властям Аджарской Автономной Республики на то, что лишение заявителя свободы было произволом в соответствии с национальным законодательством и статьей 5 Конвенции. Однако их многочисленные напоминания и обращения с целью освобождения заявителя остались без ответа (см. выше §§ 60–69).

175. Европейский Суд считает, что заключение лица на неопределенный и непредвиденный срок, если оно не основано на специальных законодательных положениях или на судебном решении, не соответствует принципу правовой определенности (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Йечиус против Литвы» (*Ječius v. Lithuania*), жалоба № 34578/97, § 62, ECHR 2000-IX), является произволом и противоречит фундаментальным аспектам принципа верховенства закона.

176. Соответственно, Европейский Суд признает, что после 29 января 2001 г. заявитель содержался под стражей в нарушение положений пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(b) Место содержания под стражей

177. Заявитель жаловался на различные аспекты его содержания под стражей: во-первых, на само место содержания под стражей, которое, как он утверждал, было незаконным в соответствии с национальным законодательством, и, во-вторых, на то, что его содержали под стражей в полной изоляции.

178. Поскольку признано, что продолжение содержания заявителя под стражей после его оправдания являлось произвольным, Европейский Суд считает, что отдельная жалоба на незаконность места содержания под стражей в соответствии с законодательством государства – участника Конвенции не влияет на нарушение, которое уже было установлено. Соответственно, Европейский Суд полагает необязательным отдельно рассматривать эту жалобу на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Что касается жалобы заявителя на то, что его содержание под стражей в полной изоляции в камере следственного изолятора Министерства

безопасности Аджарской Автономной Республики нарушало статью 3 Конвенции, Европейский Суд отмечает, что она была впервые выдвинута 23 сентября 2003 г. (см. выше § 166) и, соответственно, не была рассмотрена на стадии проверки приемлемости жалобы в решении от 12 ноября 2002 г., в котором были определены пределы рассмотрения дела Европейским Судом (см. среди прочих примеров упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Пелтье против Франции» (*Peltier v. France*), § 20, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кракси против Италии (№ 1)» (*Craxi v. Italy*) (№ 1), § 55, а также упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёч против Турции» (*Göç v. Turkey*), § 36). Следовательно, данная жалоба находится вне пределов рассмотрения дела, определенных до направления его в Большую Палату Европейского Суда.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

179. Заявитель утверждал, что неисполнение оправдательного приговора суда нарушало пункт 1 статьи 6 Конвенции, который гласит:

«Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...».

1. Доводы сторон

180. Власти Грузии не представили каких-либо замечаний по поводу этой части жалобы. Ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Хорнсби против Греции» (*Hornsby v. Greece*) от 19 марта 1997 г., *Reports* 1997-II, заявитель просил Европейский Суд признать нарушенными его права, предусмотренные пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

2. Мнение Европейского Суда

181. Европейский Суд напоминает, что исполнение судебного решения, принятого любым судом, должно рассматриваться как составная часть разбирательства, упоминаемого в статье 6 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Хорнсби против Греции» (*Hornsby v. Greece*), р. 510–511, § 40, Постановление Европейского Суда по делу «Бурдов против Российской Федерации (№ 1)» (*Burdov v. Russia*) (№ 1), жалоба № 59498/00¹, §§ 34 и 35, *ECHR* 2002-III, Постановление Европейского Суда по делу «Ясиу-

ниене против Литвы» (*Jasiuniene v. Lithuania*) от 6 марта 2003 г., жалоба № 41510/98, § 27).

182. Однако гарантии, предоставляемые статьей 6 Конвенции, были бы иллюзорными, если бы национальная правовая или административная система допускала неисполнение в ущерб оправданному лицу окончательного, общеобязательного судебного оправдательного приговора. Представляется невероятным, чтобы пункт 1 статьи 6 Конвенции, взятый во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции, требовал от Договаривающегося Государства принимать позитивные меры в отношении каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Барбера, Мессеге и Хабардо против Испании» (*Barberà, Messegué and Jabardo v. Spain*) от 6 декабря 1988 г., *Series A*, № 146, р. 33–34, § 78) и детально описывал процессуальные гарантии, предоставляемые сторонам процесса (являющегося справедливым, публичным и быстрым), одновременно не защищая исполнение оправдательного приговора, вынесенного по итогам данного процесса. Уголовный процесс един, и защита, гарантируемая статьей 6 Конвенции, не прекращается после вынесения решения в первой инстанции (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Бельзюк против Польши» (*Belziuk v. Poland*) от 25 марта 1998 г., *Reports* 1998-II, р. 570, § 37).

183. Применяя данные принципы к настоящему делу, Европейский Суд подчеркивает, что заявитель не мог обеспечить исполнение решения суда, который рассматривал выдвинутые против него обвинения в совершении преступлений по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции. Европейский Суд считает необязательным устанавливать, какой национальный орган несет ответственность за неисполнение приговора, вынесенного более чем три года назад. Европейский Суд лишь отмечает, что административные органы в целом формируют государственный аппарат, подчиненный принципу верховенства права, и их интересы, соответственно, совпадают с необходимостью в надлежащем отправлении правосудия (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Хорнсби против Греции» (*Hornsby v. Greece*), § 41). Если бы государственные административные органы могли отказаться от исполнения или не исполнять оправдательные приговоры, или даже просто затягивать их исполнение, то предусмотренные статьей 6 Конвенции гарантии, которыми оправданное лицо пользовалось в ходе судебного разбирательства, стали бы частично иллюзорными.

184. Следовательно, тот факт, что приговор от 29 января 2001 г., который являлся окончательным и обязательным для исполнения судебным решением, не был исполнен в течение более чем трех с половиной лет, лишил положения пункта 1 статьи 6 Конвенции любого полезного эффекта.

¹ См.: Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2002 год (*примеч. редактора*).

V. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ И СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

185. Заявитель утверждал, что неисполнение резолютивной части приговора от 29 января 2001 г., предписывавшего немедленно его освободить, нарушало его права, гарантированные пунктом 4 статьи 5 Конвенции и статьей 13 Конвенции, которые гласят:

«Пункт 4 статьи 5 Конвенции

Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным...

Статья 13 Конвенции

Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

186. Власти Грузии не сделали замечаний по данному вопросу. Представитель властей Грузии отметил, что заявитель всегда имел возможность обжаловать законность и основания его заключения под стражу в соответствии с требованиями пункта 4 статьи 5 Конвенции и статьи 13 Конвенции, о чем свидетельствовали его многочисленные ходатайства об освобождении.

187. Европейский Суд отмечает, что жалобы на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции и статьи 13 Конвенции основаны на неисполнении второго предписания в резолютивной части приговора, в соответствии с которым заявитель должен был быть немедленно освобожден (см. выше § 56). Таким образом, они поднимали в основном тот же правовой вопрос на основании тех же фактов, которые были рассмотрены Европейским Судом в отношении жалобы на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции. Следовательно, не требуется отдельно рассматривать эту часть жалобы.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ИНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ

1. Предполагаемое нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции

188. Не приведя каких-либо доводов в поддержку данной жалобы, заявитель утверждал, что незаконное продолжение его содержания под стражей автоматически влекло нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом “с” пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется

к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

189. Власти Грузии не представили замечаний по данной жалобе ни на одной из стадий разбирательства.

190. Европейский Суд отмечает, что период заключения, в течение которого заявитель имел право пользоваться гарантиями, предусмотренными пунктом 3 статьи 5 Конвенции, завершился 2 октября 2000 г. его осуждением в первой инстанции Верховным судом Аджарской Автономной Республики (см. выше § 44), то есть установленный пунктом 1 статьи 35 Конвенции шестимесячный срок истек (см. выше §§ 160–161). Следовательно, данная жалоба должна быть отклонена ввиду нарушения срока ее подачи.

2. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 10 Конвенции

191. Заявитель утверждал, что имело место нарушение его прав, закрепленных в пункте 1 статьи 10 Конвенции, который гласит:

«Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий».

Заявитель ни на одной из стадий разбирательства не выдвигал доводов в поддержку настоящей жалобы, ограничившись утверждением о том, что нарушение пункта 1 статьи 10 Конвенции «было тесно связано с нарушением пункта 1 статьи 5 Конвенции».

Власти Грузии не представили комментариев в отношении этой жалобы.

192. При таких обстоятельствах Европейский Суд признает, что жалоба заявителя на нарушение пункта 1 статьи 10 Конвенции является необоснованной.

3. Предполагаемое нарушение статьи 2 Протокола № 4 Конвенции

193. Заявитель утверждал, что продолжение его содержания под стражей нарушало его права, гарантированные статьей 2 Протокола № 4 к Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый, кто на законных основаниях находится на территории какого-либо государства, имеет в пределах этой территории право на свободу передвижения и свободу выбора местожительства.

2. Каждый имеет право покидать любую страну, включая свою собственную...».

Власти Грузии считали, что в настоящем деле данная норма не была нарушена, поскольку ни на одной из стадий разбирательства в отношении заявителя не применялись меры, ограничивающие свободу его передвижения в пределах страны или запрещающие ему покидать ее. Хотя власти Грузии согласились с тем, что заключение заявителя делало невозможным осуществление им права, предоставленного этой нормой, ограничение свободы передвижения было результатом продолжения его содержания под стражей, а не нарушения его прав, гарантированных статьей 2 Протокола № 4 к Конвенции.

194. Европейский Суд отмечает, что настоящее дело касается не простого ограничения свободы передвижения по смыслу статьи 2 Протокола № 4 Конвенции, а, как было установлено выше, произвольного заключения под стражу, нарушающего статью 5 Конвенции. Следовательно, отсутствует необходимость рассматривать данную жалобу на предмет нарушения статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

195. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд признает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. УЩЕРБ

196. Заявитель представил следующие требования: в качестве возмещения материального ущерба (потеря ежемесячного дохода с 1 октября 1999 г.) он требовал выплаты 12 000 евро, в качестве возмещения морального вреда – 3 000 000 евро.

197. Власти Грузии считали, что сумма в размере 3 000 000 евро, которую потребовал заявитель, была «слишком завышенной». По их утверждению, заявитель не представил каких-либо достоверных правовых или фактических доводов относительно нарушения Конвенции, которые оправдывали бы столь крупный размер требования. Отметив, что постановление Европейского Суда, в котором установлено нарушение, возлагает на государство обязательство возместить последствия нарушения таким образом, чтобы, насколько это возможно, восстановить ситуацию, существовавшую до нарушения (*restitutio in integrum*), власти Грузии просили Европейский Суд не удовлетворять ходатайство заявителя о справедливой компенсации и отклонить его ввиду необоснованности.

Если Европейский Суд не будет отклонять данное требование, власти Грузии просили его принять во внимание тяжелый социально-экономический кризис в Грузии и плохую финансовую ситуацию в стране, которые, по их мнению, исключают возможность выплаты заявителю больших сумм в течение любого срока. В связи с этим власти Грузии просили Европейский Суд в случае установления нарушения Конвенции уменьшить размер возмещения морального вреда до разумного уровня.

Власти Грузии не представили каких-либо комментариев относительно суммы, которую заявитель потребовал в качестве компенсации материального ущерба.

198. Европейский Суд напоминает, что в соответствии со статьей 46 Конвенции постановление, в котором он установит нарушение, налагает на государство-ответчика правовое обязательство прекратить нарушение и возместить его последствия таким образом, чтобы, насколько это возможно, восстановить ситуацию, существовавшую до нарушения. Если же внутригосударственное законодательство не допускает или допускает лишь частичную компенсацию последствий нарушения, статья 41 Конвенции предоставляет Европейскому Суду право присудить потерпевшей стороне надлежащую компенсацию. Следовательно, постановление, в котором было установлено нарушение Конвенции или Протоколов к ней, налагает на государство-ответчика правовое обязательство не только выплатить потерпевшей стороне суммы, присужденные в качестве справедливой компенсации, но и выбрать под надзором Комитета министров общие и/или в случае необходимости индивидуальные меры, которые должны быть приняты на национальном уровне, чтобы прекратить нарушение, установленное Европейским Судом, и компенсировать его последствия таким образом, чтобы, насколько это возможно, восстановить ситуацию, существовавшую до нарушения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маэстри против Италии» (*Maestri v. Italy*) от 17 февраля 2004 г., жалоба № 39748/98, § 47, Постановление Европейского Суда по делу «Ментеш и другие против Турции» (*Menteş and Others v. Turkey*) (статья 50) от 24 июля 1998 г., *Reports* 1998-IV, p. 1695, § 24, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии» (*Scozzari and Giunta v. Italy*), жалобы №№ 39221/98 и 41963/98, § 249, *ECHR* 2000-VIII).

Кроме того, из Конвенции и, в частности, из ее статьи 1 следует, что при ратификации Конвенции Договаривающиеся Государства принимают на себя обязательство обеспечить приведение своего законодательства в соответствие с положениями Конвенции. Следовательно, государство-ответчик обязано устранять любые препятствия в своей правовой системе, которые могли бы помешать над-

лежащим образом исправить ситуацию заявителя (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маэстри против Италии» (*Maestri v. Italy*), § 47).

199. В настоящем деле в отношении уже причиненного морального вреда Европейский Суд отмечает, что нарушение Конвенции, несомненно, причинило заявителю значительный вред. Без достаточных к тому оснований удерживаемый под стражей в нарушение основополагающих принципов правового государства заявитель испытывал чувство разочарования, поскольку он был бессилен что-либо исправить. Ему пришлось состязаться как с властями Аджарской Автономной Республики, отказывавшимися исполнить оправдательный приговор, вынесенный в отношении него три года назад, так и с центральными государственными органами, не прилагавшими усилий, чтобы заставить местные органы исполнить судебное решение.

200. Что касается материального ущерба, то ввиду отсутствия доказательств, уточняющих ежемесячный доход заявителя до его задержания, Европейский Суд не смог провести точные расчеты. Вместе с тем он полагает, что заявитель, бесспорно, должен был потерять доходы в результате того, что он безосновательно оставался под стражей после 29 января 2001 г., когда он мог найти работу и возобновить свою деятельность.

201. Следовательно, исходя из принципа справедливости, и в соответствии с критериями, установленными в его прецедентной практике, Европейский Суд присуждает заявителю 150 000 евро за период заключения с 29 января 2001 г. до момента вынесения настоящего Постановления в качестве удовлетворения всех требований заявителя в совокупности, а также любые суммы, которые могут быть начислены в качестве налога на добавленную стоимость.

202. Что касается мер, которые власти Грузии должны принять (см. выше § 198) под надзором Комитета министров, чтобы прекратить установленное нарушение, Европейский Суд напоминает, что его постановления по своей природе декларативны и что, как правило, именно соответствующее государство должно в первую очередь выбирать средства, которые могут быть использованы на внутригосударственном уровне для выполнения своего правового обязательства по статье 46 Конвенции, при условии, что такие средства соответствуют выводам, изложенным в постановлении Европейского Суда (см. среди прочих примеров упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии» (*Scozzari and Giunta v. Italy*), § 249, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брумэреску против Румынии» (*Brumărescu v. Romania*) (справедливая компенсация), жалоба № 28342/95, § 20, *ECHR*

2001-I, Постановление Европейского Суда по делу «Акдивар и другие против Турции» (*Akdivar and Others v. Turkey*) (статья 50) от 1 апреля 1998 г., *Reports* 1998-II, р. 723–724, § 47, и Постановление Европейского Суда по делу «Марккс против Бельгии» (*Marckx v. Belgium*) от 13 июня 1979 г., *Series A*, № 31, § 58). Эта свобода усмотрения при выборе способа исполнения постановления отражает свободу выбора, присущую первому обязательству Договаривающихся Государств, принятому ими на себя в соответствии с Конвенцией, защищать гарантированные права и свободы (статья 1 Конвенции) (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Папамихалопулос против Греции» (*Paramichalopoulos v. Greece*) (статья 50) от 31 августа 1995 г., *Series A*, № 330-B, р. 58–59, § 34).

Однако по своему характеру нарушение, установленное в настоящем деле, не оставляет реальной возможности выбора мер, необходимых для его компенсации.

203. При таких условиях, учитывая особые обстоятельства дела и настоятельную необходимость прекратить нарушения пункта 1 статьи 5 и пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. выше §§ 176 и 184), Европейский Суд считает, что власти Грузии должны обеспечить освобождение заявителя как можно скорее.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

204. Заявитель требовал выплаты 37 000 евро в качестве возмещения следующих судебных расходов и издержек: секретарские судебные расходы и издержки на перевод, понесенные в ходе рассмотрения дела Европейским Судом, в размере 2 000 евро, транспортные расходы адвоката заявителя, понесенные при переездах из г. Тбилиси в г. Батуми и обратно в связи с подготовкой защиты в судах Грузии, в размере 1 800 евро, оплата труда адвоката З. Хатиашвили, представлявшего его в судах Грузии и в Европейском Суде, в размере 42 000 долларов США (около 33 200 евро).

Помимо соглашения, заключенного между сыном заявителя и З. Хатиашвили 30 ноября 2000 г., заявитель не представил каких-либо документов, подтверждавших его требования, как это предусмотрено пунктом 2 правила 60 Регламента Европейского Суда. В соглашении говорилось: «Если Тенгиз Асанидзе выиграет дело в Верховном суде Грузии, и, когда Т. Асанидзе будет освобожден, его сын обязуется заплатить З. Хатиашвили 42 000 долларов США».

205. Власти Грузии не представили замечаний по данному вопросу.

206. Европейский Суд отмечает, что в ходе рассмотрения настоящего дела были проведены два этапа письменных замечаний и устное слушание

(см. выше §§ 4, 9 и 16). Тем не менее, рассмотрев требования заявителя и принимая во внимание тот факт, что ряд подтверждающих документов отсутствовал, Европейский Суд считает, что не все судебные расходы и издержки были понесены исключительно в целях прекращения нарушения. В соответствии с его прецедентной практикой Европейский Суд может присудить компенсацию судебных расходов в размере, в котором они были действительно и вынужденно понесены в целях предотвращения нарушения Конвенции или компенсации за это нарушение (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Толстой-Милославский против Соединенного Королевства» (Tolstoy Miloslavsky v. United Kingdom) от 13 июля 1995 г., Series A, № 316-B, p. 83, § 77, и Постановление Европейского Суда по делу «Малама против Греции» (Malama v. Greece) (справедливая компенсация) от 18 апреля 2002 г., жалоба № 43622/98, § 17). Европейский Суд также осознает большие различия в уровнях заработной платы, которые в настоящее время существуют в различных Договаривающихся Государствах, и полагает неправильным применять единый подход при оценке гонораров на основании статьи 41 Конвенции. Европейский Суд напоминает также, что он не считает себя связанным национальными масштабами и практикой, хотя он может частично воспользоваться ими (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «М.М. против Нидерландов» (M.M. v. Netherlands) от 8 апреля 2003 г., жалоба № 39339/98, § 51).

207. Исходя из принципа справедливости и принимая во внимание суммы, предоставленные заявителю Советом Европы в качестве правовой помощи, Европейский Суд присуждает ему 5 000 евро, а также любые суммы, которые могут быть начислены в качестве налога на добавленную стоимость.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

208. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) *отклонила* единогласно предварительное возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты (см. выше § 131);

2) *постановила* единогласно, что обжалованные вопросы находятся в «юрисдикции» властей Грузии по смыслу статьи 1 Конвенции и что в соответствии с Конвенцией нести ответственность должны только власти Грузии (см. выше § 150);

3) *постановила* единогласно, что жалоба на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении содержания заявителя под стражей в период с 1 октября по 11 декабря 1999 г. была подана по истечении установленного срока (см. выше § 161);

4) *постановила* единогласно, что жалоба на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении содержания заявителя под стражей в период с 11 декабря 1999 г. по 29 января 2001 г. находится вне пределов дела, направленного для рассмотрения в Большую Палату Европейского Суда (см. выше § 162);

5) *постановила* единогласно, что после 29 января 2001 г. заявитель содержался под стражей безосновательно и в нарушение положений пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. выше § 176);

6) *постановила* единогласно, что отсутствует необходимость отдельно рассматривать вопрос о месте содержания заявителя под стражей на предмет соблюдения пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. выше § 178);

7) *постановила* единогласно, что жалоба на нарушение статьи 3 Конвенции находится вне пределов дела, направленного для рассмотрения в Большую Палату Европейского Суда (см. выше § 178);

8) *постановила* 14 голосами «за» при трех – «против», что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции вследствие неисполнения приговора от 29 января 2001 г. (см. выше § 184);

9) *постановила* 14 голосами «за» при трех – «против», что отсутствует необходимость отдельно рассматривать жалобу на то, что неисполнение приговора от 29 января 2001 г. нарушало пункт 4 статьи 5 Конвенции (см. выше § 187);

10) *постановила* единогласно, что отсутствует необходимость отдельно рассматривать жалобу на то, что неисполнение приговора от 29 января 2001 г. нарушало статью 13 Конвенции (см. выше § 187);

11) *постановила* единогласно, что жалоба на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции была подана по истечении установленного срока (см. выше § 190);

12) *постановила* единогласно, что не было допущено нарушения пункта 1 статьи 10 Конвенции (см. выше § 192);

13) *постановила* единогласно, что отсутствует необходимость рассматривать жалобу на нарушение статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции (см. выше § 194);

14) *постановила* единогласно, что:

(а) власти государства-ответчика обязаны обеспечить освобождение заявителя как можно скорее (см. выше §§ 202 и 203);

(б) власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю

в качестве компенсации морального вреда, причиненного содержанием под стражей после 29 января 2001 г., 150 000 (сто пятьдесят тысяч) евро, а также любые суммы, которые могут быть начислены в качестве налога на добавленную стоимость, переведенные в грузинские лари по курсу, действующему на день выплаты (см. выше § 201);

(с) власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю в качестве компенсации судебных расходов и издержек 5 000 (пять тысяч) евро, а также любые суммы, которые могут быть начислены в качестве налога на добавленную стоимость, переведенные в грузинские лари по курсу, действующему на день выплаты (см. выше § 207);

(d) по истечении указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные суммы должны начисляться простые проценты в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка, действующей в период невыплаты, плюс три процента;

15) отклонила единогласно оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, оглашено на слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 8 апреля 2004 г.

Пол МАХОНИ
Секретарь-канцлер
Суда

Люциус ВИЛЬДХАБЕР
Председатель Большой
Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения:

(а) совпадающее мнение судьи Лукиса Лукаидеса;

(b) частично совпадающее мнение судьи Жан-Поля Косты;

(с) совместное частично особое мнение судей Жан-Поля Косты, сэра Николаса Братцы и Вильгельмины Томассен.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛУКИСА ЛУКАИДЕСА

Соглашаясь с мнением большинства судей по настоящему делу, я хотел бы сказать несколько слов относительно понятия «юрисдикция» по смыслу статьи 1 Конвенции. Данный вопрос рассматривается в §§ 137 и 138 настоящего Постановления.

На мой взгляд, термин «юрисдикция» подразумевает действительную власть, то есть возможность навязывать государственную волю

любому лицу, которая может осуществляться как на территории Высоких Договаривающихся Сторон, так и вне этой территории. В связи с этим Высокая Договаривающаяся Сторона несет ответственность в соответствии с Конвенцией перед каждым лицом, в отношении которого она непосредственно осуществляет свою власть в любом регионе мира. Такая власть может принимать различные формы и быть как законной, так и незаконной. Как правило, она представляет собой власть правительства в пределах территории Высокой Договаривающейся Стороны, но может принять форму полного контроля на территории другой страны, даже если такой контроль будет незаконным (см. Постановление Европейского Суда по делу «Лоизиду против Турции» (Loizidou v. Turkey) (предварительное возражение) от 23 марта 1995 г., Series A, № 310), особенно на оккупированных территориях (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции» (Cyprus v. Turkey), жалоба № 25781/94, ECHR-2001-IV). Она может также принять форму доминирования или эффективного влияния посредством политической, финансовой, военной или какой-либо иной поддержки правительства другого государства. А также, по моему мнению, она может принять форму любого военного или иного государственного вмешательства со стороны Высокой Договаривающейся Стороны в любом регионе мира (см. в качестве сравнения упомянутое в настоящем Постановлении Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Банкович и другие против Бельгии и 16 других Договаривающихся Государств» (Banković and Others v. Belgium and 16 Other Contracting States)).

Проверке всегда должен подвергаться вопрос о том, могло ли лицо, утверждающее, что в отношении него Высокая Договаривающаяся Сторона осуществляет свою «юрисдикцию», по поводу конкретного деяния доказать, что это деяние было результатом осуществления этой Стороной своей государственной власти. Любое другое толкование, исключающее ответственность Высокой Договаривающейся Стороны за деяния, совершенные в результате осуществления ею своей государственной власти, привело бы к абсурдному предположению о том, что Конвенция гарантирует обязательства по соблюдению прав человека только на территории, находящейся под прямым, законным или незаконным, контролем этой Стороны, а в остальных случаях, за исключением некоторых чрезвычайных обстоятельств (наличие которых должно устанавливаться для каждого дела отдельно), Высокая Сторона может безнаказанно нарушать стандарты поведения, установленные Конвенцией. Я считаю, разумное толкование положений Конвенции в свете ее целей ведет к выводу о том, что Конвенция содержит в себе кодекс поведения для каждой Высокой Договаривающейся

Стороны в случаях, когда они действуют в целях осуществления своей государственной власти со всеми вытекающими последствиями для частных лиц.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЖАН-ПОЛЯ КОСТЫ

(Перевод)

1. Я присоединился к мнению моих коллег о том, что резолютивная часть настоящего Постановления должна содержать предписание властям государства-ответчика освободить заявителя как можно скорее.

2. Я хотел бы кратко объяснить оговорки, которые я бы сделал по данному поводу.

3. Прецедентная практика Европейского Суда в данной сфере хорошо известна. Начиная с Постановления по делу Маркса¹ Европейский Суд рассматривал свои решения как в основном *декларативные*, поэтому, когда он устанавливает нарушение Конвенции, он оставляет за государством возможность выбора средств, которые оно хотело бы использовать на уровне национальной правовой системы, чтобы выполнить свои обязательства в соответствии со статьей 46² Конвенции, которая обязывает государства исполнять постановления Европейского Суда.

4. Таким образом, различие между выбором средств и обязательством достигнуть определенного результата имеет целью согласование принципа субсидиарности с коллективной гарантией прав и свобод, защищаемых Конвенцией. Обычно обеспечение соблюдения постановлений Европейского Суда является функцией Комитета министров, который следит за исполнением общих и индивидуальных мер, принятых государством-ответчиком для устранения нарушения Конвенции. Это также следует из статьи 46 Конвенции.

5. В практике Европейского Суда имелись дела, в которых он ограничивал для государства-ответчика выбор средств. В делах, касающихся лишения собственности, Европейский Суд в резолютивных частях постановлений *обязывал* власти государства-ответчика вернуть собственность заявителю³. Действительно, это обязательство не было безусловно обязательным, поскольку Европейский Суд предусматривал в тех же постановлениях, что «в

случае отсутствия реституции» государство должно выплатить заявителю определенные денежные суммы. Иными словами, *restitutio in integrum* имеет вспомогательный характер в подобных делах и осуществляется в пределах возможного (такое условие необходимо, *inter alia*, для защиты прав третьих лиц, действовавших добросовестно).

6. В любом случае, хотя указание Европейского Суда, обязывающее государство достигнуть определенного результата, упрощает задачу Комитета министров, оно также в некоторой степени усложняет ее. До вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции по делам, в которых вместо осуществления надзора за исполнением постановлений Европейского Суда⁴ Комитет министров сам выносил решения относительно нарушений Конвенции⁵, государства рассматривали решения Комитета министров как обязательные⁶ для исполнения. В настоящее время это обязательство государств перед Комитетом министров, по крайней мере, на первый взгляд отменено, что не мешает Комитету министров при осуществлении надзора за исполнением постановлений Европейского Суда в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конвенции в новой редакции ссылаться на пункт 1 этой статьи, который гласит: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами».

7. Чем конкретнее формулировка постановления, тем проще с правовой точки зрения Комитету министров осуществлять свою задачу по надзору за исполнением мер, которые государство должно выполнить. Однако это необязательно верно для политических аспектов, так как, если государство-ответчик не имеет возможности выбрать меры, которые оно могло бы принять, то ему останется только одна альтернатива: либо выполнить указание Европейского Суда (и тогда всё будет хорошо), либо подвергнуться опасности заблокировать ситуацию.

8. Настоящее дело предоставило важную возможность для размышлений. Поскольку продолжение содержания под стражей без каких-либо законных оснований лица, оправданного окончательным приговором суда почти три года назад, является вопиющим отказом в правосудии, на который Европейский Суд должен реагировать с образцовой жесткостью, практические трудности, возникающие при исполнении судебного решения, требовали особого внимания. Хотя власти Аджарской Автономной Республики до сих пор обязаны освободить заявителя, эта ситуация возникла не по при-

¹ Постановление Европейского Суда по делу «Маркс против Бельгии» (Marckx v. Belgium) от 13 июня 1979 г., Series A, № 31, § 58.

² Бывшая статья 53 Конвенции.

³ Постановление Европейского Суда по делу «Папамихалопулос против Греции» (Papamichalopoulos v. Greece) от 31 октября 1995 г. (статья 50), Series A, № 330-B, Постановление Европейского Суда по делу «Брумэреску против Румынии» (справедливая компенсация) (Brumărescu v. Romania) от 23 января 2001 г., Reports 2001-I.

⁴ В соответствии с бывшей статьей 54 Конвенции.

⁵ Комитет министров обладал данным полномочием на основании бывшей статьи 32 Конвенции.

⁶ В соответствии с пунктом 4 данной нормы.

чине бездействия центральных властей¹, которые неоднократно призывали и пытались освободить его из следственного изолятора. Об этом ясно свидетельствуют §§ 59–71 настоящего Постановления. Таким образом, возникает следующий вопрос: должен ли был Европейский Суд ждать более подходящей возможности сделать этот шаг вперед в своей прецедентной практике? Кроме того, нет ли опасности того, что Комитет министров столкнется с ситуацией, которая, хотя и будет довольно простой с правовой точки зрения, окажется невероятно сложной на практике?

9. Я взвесил каждое из этих возражений и отклонил их по двум основаниям. Что касается принципа, являющегося наиболее важным фактором, было бы нелогично и даже аморально оставлять властям Грузии возможность выбора (правовых) средств, когда единственным способом прекратить бесосновательное содержание под стражей является освобождение заключенного. С фактической точки зрения, в то время, когда отношения между государством-ответчиком и его децентрализованным образованием существенно изменились и продолжают эволюционировать, формулировка, принятая Европейским Судом в настоящем Постановлении, должна помочь справиться с вопиющей несправедливостью, которая существовала слишком долго, тем более что власти Грузии будут нести ответственность за продолжающееся нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции до тех пор, пока не будет освобожден Асанидзе.

10. В любом случае я надеюсь, что результатом принятия настоящего Постановления станет скорейшее освобождение заявителя. Я бы также отметил, что Европейский Суд сделал, на мой взгляд, правильный и логичный шаг вперед по сравнению с вышеупомянутыми делами, касающимися реституции по имущественным делам, поскольку вместо того, чтобы предписать властям Грузии выплатить заявителю компенсацию, если он не будет освобожден, Европейский Суд постановил, что денежная выплата является дополнительным обязательством и ни в коем случае не умаляет обязательство освободить заявителя.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ЖАН-ПОЛЯ КОСТЫ, СЭРА НИКОЛАСА БРАТЦЫ И ВИЛЬГЕЛЬМИНЫ ТОМАССЕН

Мы полностью согласны со всеми заключениями и мотивировкой большинства судей Европейского Суда, за исключением вывода о том, что неисполнение оправдательного приговора заявителя нарушало пункт 1 статьи 6 Конвенции и что в связи с этим не требовалось отдельно рассматривать жалобу на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции. По

¹ Которые правильно признаны единственно ответственными за нарушение Конвенции в настоящем Постановлении (см. § 150).

нашему мнению, вывод должен быть противоположным, и пункт 4 статьи 5 Конвенции должен быть признан нарушенным, а нарушение статьи 6 Конвенции было необязательно рассматривать отдельно.

Суть жалобы заявителя на нарушение Конвенции состояла в том, что, несмотря на его оправдание в отношении всех обвинений окончательным приговором Верховного суда Грузии, после 29 января 2001 г. он продолжал оставаться под стражей в нарушение национального законодательства и без правовых на то оснований. Европейский Суд совершенно правильно признал, что начиная с этой даты заявитель бесосновательно содержался под стражей в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Признав, что отказ от исполнения оправдательного приговора Верховного суда Грузии дополнительно нарушал статью 6 Конвенции, большинство судей Европейского Суда приспособили и применили к настоящему делу принцип, впервые изложенный в Постановлении Европейского Суда по делу «Хорнсби против Греции» (*Hornsby v. Greece*) от 19 марта 1997 г., *Reports* 1997-II, в соответствии с которым «право на судебное разбирательство», одним из аспектов которого является право на доступ к правосудию, было бы иллюзорным, если бы правовая система государства допускала не исполнение окончательного, обязательного судебного решения в ущерб одной из сторон. Как отмечено в настоящем Постановлении, представляется невероятным, чтобы пункт 1 статьи 6 Конвенции детально описывал процессуальные гарантии, предоставляемые сторонам в процессе, справедливом, открытом и состязательном, одновременно не защищая исполнение судебных решений.

Однако дело Хорнсби и последующие дела, в которых Европейский Суд применял вышеуказанный принцип, касались гражданских, а не уголовных процессов. Мы не уверены в том, что мотивировка Европейского Суда (в частях, относящихся к доступу к правосудию, исполнению судебных решений и мерам, необходимым для соблюдения окончательного и способного быть выполненным судебного решения (см. §§ 40–45 настоящего Постановления) может быть легко перенесена на дело подсудимого в уголовном процессе. Еще сложнее перенести ее на дела, в которых, как в настоящем деле, подсудимый оправдан окончательным приговором суда, и национальным органам в принципе нечего исполнять и не надо принимать никаких мер, необходимых для исполнения судебного решения. Кроме того, ссылка Европейского Суда в деле Хорнсби на тот факт, что процессуальные гарантии, предусмотренные статьей 6 Конвенции, в противном случае были бы иллюзорными, гораздо меньше относима к делу, в котором подсудимый был оправдан, учитывая единообразную практику конвенционных органов, в соответствии с которой

заявитель, который был оправдан, в любом случае не может утверждать, что он стал жертвой нарушения этих процессуальных гарантий.

Кроме того, неисполнение внутригосударственными органами приговора Верховного суда Грузии лежит в основе признания Европейским Судом нарушенной статьи 5 Конвенции, которая более всего подходит для применения к настоящему делу в качестве *lex specialis* в сфере свободы и безопасности человека, мы, так или иначе, не видим необходимости в отдельном и дополнительном рассмотрении данного вопроса на предмет нарушения статьи 6 Конвенции.

С другой стороны, мы считаем, что было необходимо отдельно рассмотреть вопрос о нарушении пункта 4 статьи 5 Конвенции, который предоставляет каждому, кто лишен свободы, право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным. Данная норма предполагает, что национальные органы должны безотлагательно исполнить решение об освобождении. Власти

Грузии утверждали, что заявитель в любое время мог обжаловать правомерность и факт содержания под стражей во внутригосударственных судах. Хотя формально заявитель действительно мог это сделать, власти Грузии совершенно не учли реалии и то обстоятельство, что подобное обжалование не принесло бы результатов. По настоящему делу Верховный суд Грузии не ограничился отменой обвинительного приговора заявителя и прекращением уголовного дела против него. Он пошел дальше и постановил немедленно освободить заявителя. Несмотря на то, что решение об освобождении было принято в конце уголовного процесса по делу заявителя, а не по результатам рассмотрения отдельной жалобы на незаконное продолжение его содержания под стражей, тот факт, что более трех лет государственные органы последовательно отказывались соблюдать и исполнять решение Верховного суда Грузии, является ярчайшим доказательством неэффективности данного средства правовой защиты в деле заявителя и нарушения властями государства-ответчика обязанностей, предусмотренных пунктом 4 статьи 5 Конвенции.